

2020 № 5

Владимир АРИСТАРХОВ

Элина ЖГУТОВА

Игумен Виталий (УТКИН)

Олег МАТВЕЙЧЕВ

Василий ЩИПКОВ

ЕТРАДИ

**Русской
экспертной
ШКОЛЫ**

Тетради

Русской экспертной школы

2020 № 5

Москва
Русская экспертная школа
2020

УДК 316. 75(470+671)
ББК 60. 0(2Рос)
Т37

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 5** : научное издание / Под ред. В. А. Щипкова. – Москва : Русская экспертная школа, 2020. – 104 с.

ISBN 978-5-6041154-3-5

Очередной выпуск Тетрадей Русской экспертной школы представляет читателям тезисы докладов, прозвучавших на семинаре Школы в г. Серпухове 25–26 ноября 2019 года. В этом выпуске затрагиваются следующие темы: современное российское законодательство о культуре, технологии уличных протестов против строительства храмов, негативные последствия закона о профилактике семейно-бытового насилия, неоязычество и регионализм как политические инструменты, происхождение и действие секулярных вызовов перед лицом Церкви.

веб-сайт: russian-expert.ru

электронная почта: mail@russian-expert.ru

ISBN 978-5-6041154-3-5

© Русская экспертная школа, 2020

© Щипков В. А., 2020

Содержание

В. В. Аристархов

Законодательство о культуре. Предмет спора и группы интересов 5

О. А. Матвейчев

Храм и митинг. Технологии уличных протестов на примере
Екатеринбурга 34

Э. Ю. Жгутова

Правоприменительная практика и негативные последствия закона
о профилактике семейно-бытового насилия 50

Игумен Виталий (Уткин Игорь Николаевич)

Этнофутуризм, неоязычество и регионализм как политические
инструменты 65

В. А. Щипков

Секулярный вызов церкви: происхождение, характер,
перспективы 87

Эксперты номера

Аристархов Владимир Владимирович

директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, в 2013–2018 гг. – первый заместитель министра культуры Российской Федерации

Жгутова Элина Юрьевна

член Общественной палаты РФ, руководитель «Общественного центра по защите традиционных семейных ценностей “Иван Чай”»

Игумен Виталий (Уткин)

секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, секретарь Учёного совета Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела Иваново-Вознесенской епархии

Матвейчев Олег Анатольевич

профессор НИУ ВШЭ, политический технолог и консультант, канд. филос. наук

Щипков Василий Александрович

директор Русской экспертной школы, доцент МГИМО МИД России, канд. филос. наук

В. В. Аристархов

директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, в 2013–2018 гг. — первый заместитель министра культуры Российской Федерации

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О КУЛЬТУРЕ. ПРЕДМЕТ СПОРА И ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ

Прежде чем рассказывать о той дискуссии, которая идёт сегодня, необходимо сделать длинное предисловие, чтобы было понятно, чем в последние годы занималось министерство культуры в плане создания правовой базы культурной политики.

Слово «культура» очень многогранное. Ведь и телевидение — это культура, и театр — культура, и музей — тоже культура. То есть «культура» — это очень широкое понятие. Но очень часто, когда мы сталкиваемся с широтой этого понятия в реальной жизни, у нас возникает сомнение: действительно ли все безобразия, которые мы видим по телевидению или в театре, — это культура? Возникает вопрос: что можно считать культурой, а что нет? Проблем в этом отношении много, и возникли они не вчера.

В нашей Конституции есть указание на то, что государство проводит культурную политику. Сейчас оно пытается этим заниматься — с той или иной степенью эффективности. По Конституции каждый имеет право на участие в культурной жизни, на доступ к культурному наследию и на пользование учреждениями культуры. По Конституции в России нет идеологии и нет цензуры. Правда, в 55-й статье указано ещё и то, что права и свободы человека могут быть ограничены для защиты ценностей

и нравственности. И эта оговорка обосновывает проведение государством определённой культурной политики.

Кроме того, у нас есть «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятые ещё в 1992 году. Они во многом устарели, некоторые их положения утратили силу, но в целом они работают. И есть ряд законов, которые регулируют разные сферы культурной жизни: закон о музеях и музейном деле, закон о библиотечном деле, закон об охране памятников и другие. Есть также множество правовых актов регионального уровня, ведомственного уровня (например, акты министерства культуры) и так далее.

В 2012 году министром культуры был назначен Владимир Мединский. Одной из поставленных перед ним задач было наведение порядка в этом хаосе правовых актов в сфере культуры. Другой задачей было сделать так, чтобы государство хотя бы не вредило, не поддерживало то, что является очевидно оскорбительным, разрушает наши ценности и наше общество.

Проблемой, с которой мы сразу столкнулись, стало отсутствие в нашем законодательстве определения самого понятия «культура». У нас есть мощное научное сообщество, и мы обратились к нему за помощью по этому вопросу. Нам дали от 400 до 600 определений этого термина, и ситуация стала ещё непонятнее. Поэтому было принято волевое решение о том, что министерство культуры, действуя в интересах общества в целом (а задача государства — это именно отражать интересы общества), должно использовать понятие не культуры вообще, а такой культуры, которая важна для общества. (Ведь культура питания — это тоже культура, и физкультура — тоже.) И затем на основе разработок учёных было принято решение, что мы остановимся именно на таком определении культуры. Звучит

оно так: «Культура — совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей».

То есть что нам говорит наука о культуре в данном понимании этого слова? С одной стороны, каждый из нас — это плод наследственности, истории наших предков. Но есть ещё и нечто такое, что в обществе передаётся из поколения в поколение негенетическим путём. Это тот опыт, который наша цивилизация накопила за многие тысячелетия. Это касается и опыта отношений между людьми, и опыта создания общества, создания государства, понимания мироздания. Это вся философия, это религия, это тот образ жизни, который передаётся из поколения в поколение. И культура в самом общем, самом важном смысле этого слова — это механизм передачи ценностей от поколения к поколению.

Как работает этот механизм? Человек воспитывается на определённых образцах для подражания. Он воспринимает эти образцы, когда читает книги или когда ему их читают в детстве, когда он смотрит кино, спектакли, ходит в музеи. Сюда же входит и восприятие архитектурных образов. Мы называем культурой всё то, в чём закодирован наш человеческий опыт. В этом опыте можно выделить наиболее важные вещи — мы называем их «ценности». Это наши представления о добре и зле. Вспомним, как сказал поэт: «крошка сын к отцу пришёл, и спросила кроха: — что такое хорошо и что такое плохо?» Наши ценности — это и есть понимание того, что хорошо, а что плохо, что допустимо, а что недопустимо в обществе и между людьми. То есть если мы рассматриваем культуру в этом наиболее важном для общества понимании, то культурой является всё то, через что накоплен-

ный опыт передаётся от поколения к поколению. Это ценности, накопленные нашим обществом и нашей цивилизацией, это всё то, что составляет нашу идентичность.

Всё сказанное изложено с точки зрения так называемого ценностно-цивилизационного подхода. Он называется ценностным, потому что во главу угла в нём ставятся именно ценности. И он же — цивилизационный, так как рассматривает не ценности вообще, а ценности определённой цивилизации.

Ценности у людей в этом мире разные. Но можно выделить довольно большие группы людей, которые исторически придерживаются одних и тех же ценностей. Л. Н. Гумилёв называл эти группы людей «суперэтносомами»; иногда их называют «культурами», иногда — «цивилизациями». Каждому интуитивно понятно, что у жителя Саудовской Аравии культура несколько иная, чем у китайца, у них разные ценности, разное отношение к миру, разная история. Житель Чёрной Африки и житель Московской области тоже отличаются не только цветом кожи, но и тем, что у них разное мировоззрение и разный жизненный опыт, накопленный их обществами. И, конечно, для нас сейчас важно соотношение России и Европы, России и Запада, потому что в последние годы становится всё более очевидным, что Россия и Запад — это две разные цивилизации.

Поэтому, когда мы говорим о культуре и ценностях, мы имеем в виду тот факт, что человечество не едино в этом отношении. Оно раскалывается на большие группы людей с разными ценностями. Конечно, есть и что-то общее, что можно выделить у всех, но немало и разного — того, что позволяет говорить о разных цивилизациях. В том числе о русской цивилизации. В данном контексте неважно, русской или российской, тем более что, кроме как в русском языке, эта разница нигде не отражается.

Я возвращаюсь к теме нашего законотворчества. Как я уже говорил, первым шагом министерства культуры было принципиальное решение о том, что, говоря о культуре, мы имеем в виду не песни и пляски наших уважаемых деятелей культуры и звёзд эстрады, а важный для общества механизм. Документом, где эта отправная точка была зафиксирована, стали «Основы государственной культурной политики», принятые Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808. Вторым документом, где эта тема получила развитие, стала «Стратегия национальной безопасности», вернее, её новая редакция, принятая Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683. Там цивилизационно-ценностный подход был развит, раскрыт и расшифрован уже в плане практической деятельности. Всем интересующимся вопросами культурной политики я рекомендую посмотреть эти два документа, потому что в них заложено очень многое из того, о чём я буду говорить. И когда мы разрабатывали эти документы, то исходили именно из цивилизационно-ценностного подхода к культуре, описанного выше.

Прежде чем перейти к рассказу о дискуссии вокруг закона «О культуре», необходимо сказать несколько слов о нашей системе законодательства. Основополагающий документ — это Конституция. Стоит отметить, что в нашей стране она несколько противоречива. С одной стороны, в ней гарантируется полная вседозволенность, с другой — возможность ограничения прав и свобод в интересах общества. Следующий по важности уровень правовых актов — это федеральные законы. Но и указы президента так же важны, однако они как бы «перпендикулярны» законодательной системе. Они не являются федеральными законами, и считается, что они ниже их по рангу. Однако указами президента следует руководствоваться в отсутствие федераль-

ных законов, которые регулировали бы вопросы культурной политики. Если же в федеральных законах будут заложены иные принципы, чем в указах, то по нашей Конституции закон имеет первенство. Вот этим и объясняются бурные дискуссии вокруг будущего закона «О культуре». Что же в нём будет заложено? То, что мы разрабатывали в последние годы, или иной, либеральный подход?

Применение цивилизационно-ценностного подхода обусловило включение определённых положений в названные два документа — в «Основы государственной культурной политики» и в «Стратегию национальной безопасности». Что же это за положения?

Первое положение (наверное, самое важное): именно культура — это то, что объединяет Россию. У нас разные регионы, каждый со своим уникальным, неповторимым обликом. Даже регионы, населённые в основном русскими, сильно отличаются между собой. Ставрополье и Архангельская область, Дальний Восток и Ивановская область имеют много общего, но тем не менее у каждого региона есть своё лицо. В России живёт более сотни народов. По последней переписи их почти 200, но из них около 50 численностью до 100 человек, поэтому крупных народов примерно 150. Более того, Россия — это ещё и разные расы, как минимум европеоидная и монголоидная. История у всех тоже очень разная. У нас есть, конечно, общие моменты истории, но они стали общими лет 50-100 назад. И всё это — единый российский народ. Почему же он единый? Разная экономика, разная природа, но вот уже 1000 лет Россия является единым государством.

Потому что народы, которые вошли в нашу российскую семью, были объединены общей культурой, общей системой

ценностей. И именно через культуру Россия стала тем, чем она является. То есть люди, воспринимая свою национальную идентичность, одновременно воспринимают тот комплекс ценностей и понятий о добре и зле, который является общим для каждого из нас.

У каждого этноса в России есть что-то своё, но есть и что-то общее. Это не нивелирование уникальности, не ассимиляция наций. Напротив, уникальность России в том, что у нас в стране разные нации сохраняются и развиваются. Самый частый пример для сравнения — колонизация Северной Америки. Когда она начиналась, там жило около 300 индейских племён, сейчас же их осталось около 10, а крупных — три. В России же все народы, которые существовали 100, 200 и 500 лет назад, живы и сейчас и успешно развиваются.

Но в этом многообразии есть нечто общее — это наше культурное ядро. И это общее отграничивает нас от того, что нам чуждо. В истории немало фактов, когда разные народы, входя в состав России, отказывались от части своей прежней уникальной самобытности ради того, чтобы войти в российский народ. Самый простой пример — Кавказ. Такие уникальные национальные особенности, как кровная месть, многожёнство, шарият — всё это было постепенно ликвидировано в XIX–XX веках. Сейчас это считается неприемлемым среди тех народов, у которых это было нормой в XVIII веке.

В «Стратегии национальной безопасности» мы записали, что основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть россий-

ской культуры. Как матрёшка: российская культура — это наша общая оболочка, внутри которой на общем ценностном фундаменте развивается многонациональная культура.

Отсюда понятие единого культурного пространства, которое также вошло в «Стратегию национальной безопасности». То есть раз наша культура едина, то, с одной стороны, все должны иметь равное право на доступ к этой культуре; а с другой стороны, мы обязаны поддерживать то общее, что объединяет все наши народы.

Но в мире существуют разные цивилизации, которые называют также культурами в глобальном смысле этого слова. Что же можно сказать о значении этих культур для России: Запад, Китай, мусульманский мир? Первое и самое важное: мы поддерживаем не любую культуру, а нашу, российскую культуру. Культурные проблемы Чёрной Африки — это её проблемы, не наши; у нас нет ни права, ни обязанности заниматься этими вопросами, это их личное дело.

Притом особенность русского общества уже на протяжении многих веков заключается в том, что оно демонстрирует уникальную способность перенимать всё лучшее из других культур. А вот, например, для мусульманского общества и мусульманской культуры это характерно в гораздо меньшей степени. (Когда я говорю о мусульманской культуре, то я имею в виду культуру исламских стран, принадлежащих арабскому миру, а не культуру наших российских мусульман, поскольку они — часть нашей российской культуры.)

Российская культура — самобытная, самостоятельная, но не закрытая. Открытость русской культуры всему самому хорошему, что приходит извне, предполагает наше право на выбор, право самим решать, что перенимать у других, а что нет.

Любой из нас может найти в других культурах массу того, что перенимать явно не стоит. И вот это право решать самим, что нам нужно, а что не нужно, получило название «принцип культурного суверенитета». Он также заложен в «Стратегии национальной безопасности».

Следующее, о чём хотелось бы поговорить, — это общие для нашей страны ценности. Какие у нас вообще ценности? Понять это было большой проблемой, потому что на тему о том, какие в России главные ценности, были написаны целые тома научных работ. Но задача людей, которые пишут законы, — не вдаваться в дискуссии, а выбрать нечто общее, очевидное и наиболее важное. Насколько это удалось, покажет будущее, но вот что в итоге было записано в «Стратегии национальной безопасности»: на первое место поставили такую ценность, как приоритет духовного над материальным. И документ сразу приобрёл философский смысл, потому что до этого не было, наверное, в нашей стране документа, который пытался бы отразить подлинные ценностные основы нашей жизни. Подавляющее большинство писателей и учёных, которые пишут про Россию, сходятся на том, что для русского народа главным являются не материальные блага (хотя от них тоже никто не отказывается), а правда и справедливость, то есть духовные ценности.

Кстати говоря, если посмотреть на нашу историю, то за один лишь XX век наш народ дважды отказался от очень сильного, с хорошими перспективами государства, сильного экономически и в военном отношении. Отказался только потому, что считал, что принципы этого государства не соответствуют правде и справедливости, не соответствуют нашим представлениям о должном. В 1917 году это произошло из-за того, что самодержавие, к сожалению, оказалось не на высоте; всеобщее недо-

вольство самодержавием было очевидно. Вряд ли кто-то думал о том, что результатом этого недовольства станет Октябрьская революция. Основным мотивом людей было не желание построить то, что построили в советское время, а несогласие с теми устоями общества, которые тогда существовали. И это несмотря на хорошие вооружённые силы и на выдающиеся успехи в развитии экономики. Российская экономика тогда входила в число пяти крупнейших экономик мира. И ровно то же самое произошло у нас в 1991 году, когда страна, занимавшая по всем показателям второе место в мире и имевшая реальный шанс стать первой, внезапно развалилась просто потому, что люди решили, что жить по принципам коммунизма неправильно. Я не буду вдаваться в глубинные причины этих событий, но факт состоит в том, что люди при хорошей жизни пришли к мысли о том, что жизнь надо радикально поменять. И поменяли. Эту черту нашего народа иногда приписывают его идеологизированности. Так это и есть, когда главное для людей не материальные интересы и личная выгода, как на Западе, а именно представление о правде и справедливости. Кто почитает «Стратегию национальной безопасности», увидит, что там перечислены и другие ценности: патриотизм, труд и многое другое, — но на первом месте стоит приоритет духовного над материальным.

Следовательно, культура — это то, что формирует нашу духовную сферу или, как говорилось при советской власти, «общественное сознание». Здесь обретает важность понятие духовного благополучия или неблагополучия. Когда мы говорим о качестве жизни, речь идёт не только о наличии канализации, отопления и прочих бытовых удобств, но и о том, насколько комфортно мы себя чувствуем в окружающем мире, общаясь с людьми, смотря телевидение, посещая разные культурные ме-

роприятия, насколько людям комфортно жить в нашем обществе. То есть комфортно не в материальном, а в духовном плане. И вот, оказывается, есть прямая зависимость между ситуацией в культуре, обуславливающей духовное благополучие, и социально-демографическими показателями: рождаемостью, смертностью, уровнем заболеваемости и так далее. У человека, который чувствует себя оскорблённым, утратившим ценностные ориентиры в жизни, страдает иммунитет. Человек становится уязвим для заболеваний, а в обществе в целом распространяется то, что мы называем социальными болезнями, такими как алкоголизм и наркомания, растёт количество аборт, разводов, брошенных детей. Все эти социальные бедствия, как правило, объясняются не материальными причинами (хотя они тоже играют свою роль), а именно духовным неблагополучием. Самый известный пример — 1990-е годы, когда произошёл резкий слом коммунистических ценностей и связанной с ними культуры, в то время как новая культура, новые ценности ещё не сформировались. К тому же многие люди просто не понимали, что происходит, не понимали многое из того, что мы понимаем сейчас. Это привело к полной дезориентации людей, к потере ими жизненных ориентиров. В этом была главная причина повышенной смертности, заболеваемости, вспышки наркомании, алкоголизма и преступности. Повторю, что этому послужили и материальные причины, но не они были главными, поскольку есть масса примеров из истории России и других стран, когда ещё большие материальные проблемы не вели к таким чудовищным социальным последствиям, как в России в 1990-е.

Поэтому государственная культурная политика и законы, которые регулируют сферу культуры, — это законы, которые обуславливают здоровье и долголетие нас с вами и наших

детей. Вплоть до того, что с разрушением нашей культуры и нас с вами не будет. И как выразился А. Я. Флиер, учёный, сотрудник нашего Института Наследия: «Чем больше мы тратим на культуру сегодня, тем меньше мы потратим на тюрьмы и больницы завтра». Не теряю надежды, что руководство нашей страны также поймёт эту взаимосвязь.

Получается, что культура важнее, чем оборона и экономика. Кстати, Владимир Путин однажды примерно так и сказал. Это было в 2014 году в Пскове на расширенном заседании президиума Совета при Президенте по культуре и искусству. Путин сказал: «Потому что если нет культуры, то непонятно вообще, что такое суверенитет, и непонятно тогда, за что бороться». То есть люди не будут бороться и отдавать свои силы за то, что им непонятно и не нужно. Примеры из истории, я думаю, может найти каждый. Таким образом, когда мы говорим о народосбережении, о сохранении единой России, то начинать надо не с обороны, не с экономики, хотя это тоже очень важные отрасли, но с единого культурного пространства, с единства культуры, единства мировоззрения, общих ценностей. Если этого не будет, то и страны не будет. Ведь и СССР распался именно по причине отсутствия культурного единства.

Ну, и последний вывод из сказанного выше — это то, что должна быть культурная политика, то есть влияние государства на культуру страны. Конечно, культурную политику формирует не только государство, потому что любой из нас может повлиять на неё в меру своих возможностей. Это можно делать как индивидуально, так и через общественные организации. Но важная роль государства состоит как раз в том, что оно должно делать то, что не может делать отдельный человек (или может, но хуже). По аналогии, каждый может заниматься обороной страны,

пользуясь собственной двустволкой, но всё-таки армия всегда будет решать эту задачу более эффективно. То же и с культурой. Понятно, что каждый может вносить в её формирование свой вклад, но именно государство может и должно думать об интересах общества в целом.

Когда мы говорим о культурной политике государства, важно не тратить деньги на всё подряд. Как в шуточной загадке: «Почему нельзя дать всё всем? Потому что всех много, а всего мало». И денег на культуру тоже всегда мало, просто потому, что сколько бы государство ни напечатало денег, желающих их получить всегда будет больше. Всегда найдутся те, кто заявят, что они формируют самую важную часть культуры и что именно они должны получить самый большой кусок пирога. Следовательно, государство должно решать, кому выделить бюджетные деньги, кто сможет их потратить наиболее эффективно, а кому лучше их вообще не давать. При этом важно думать не о форме, а о содержании того, что нам предлагается под видом культуры.

В последние годы Министерство культуры Российской Федерации старается жить по этим заповедям и не поддерживать то, что поддержки недостойно. Так, даже если фильм снят очень талантливо, его хвалят критики, он получает награды на Западе, но после его просмотра не хочется жить, то этот фильм поддерживать не стоит. Поясню на примере. Фильм и книга «Как закалялась сталь» — это довольно жуткая биография человека, в конце которой главный герой оказывается полностью парализован и может только писать одной рукой или диктовать текст. Но автор книги сумел показать, что даже в такой ситуации человек остаётся человеком. Можно по-разному относиться к борьбе за дело советской власти и идее установления коммунизма во всём мире, но независимо от того, за какие ценности воевал

Павел Корчагин, его сила духа, мужество, упорство и самоотверженность даже сегодня имеют ценность, вызывают подлинное уважение. Обратный пример — фильм «Левиафан» (2014), который, к сожалению, получил государственную поддержку, но стал образцом фильма, который не надо было поддерживать. Может быть, этот фильм во многих моментах реалистичен, но как сказала одна зрительница, выходя из кинозала, «после фильма жить не хочется». Вопрос состоит в том, зачем вообще нужны такие фильмы, которые усиливают депрессию и не показывают выхода из ситуации.

Есть и другие примеры работ, которые не стоит поддерживать. Есть ли необходимость описывать «творчество» художника Павленского? Он уже стал притчей во языцех. Некоторые критики характеризуют его акции как «перформансы». Но нужно вначале думать о том, что несёт этот художник людям, и только потом решать, стоит ли его поддерживать.

Может быть, самый яркий пример из всех — «Пусси Райот». Вроде бы это был музыкальный ансамбль, но его акции являлись не культурными событиями, а хулиганством. Именно за хулиганство участники «Пусси Райот» и были совершенно заслуженно привлечены к ответственности. В культурном же аспекте акции, которые они проводили, и то содержание, которое они туда вкладывали, было разрушительным для наших ценностей и для нашего общества. Поэтому такая деятельность в любом случае не могла удостоиться государственной поддержки.

Когда мы обо всём этом беседуем в аудитории с нашими деятелями культуры, то обычно они нас начинают обвинять в том, что мы выступаем за цензуру. Как будто цензура — это что-то плохое по определению. Но, например, поэт Тютчев был цензором, многие другие уважаемые люди были цензорами.

История знает много примеров, когда цензура скорее способствовала развитию культуры, чем тормозила её, в том числе и в советское время. Как бы то ни было, у нас цензура запрещена в 29-й статье Конституции России. И в современной России не существует цензуры как требования о том, чтобы автор согласовывал то, что он собирается написать, снять или поставить на сцене, с уполномоченными органами, как это было в советское время и при царской власти. Сейчас никто ничего заранее не согласовывает, и каждый имеет право творить в тех пределах, которые устанавливает Уголовный кодекс (в России есть запрет на фашизм, экстремизм и так далее). Соблюдая закон, человек может делать что угодно, это право каждого человека по нашей Конституции. Хорошо это или плохо, я не знаю, но это так. Однако право каждого человека творить совершенно не предполагает обязанность государства оплачивать это творчество. Государство должно давать деньги только тем, чья деятельность соответствует интересам всего общества. И не давать финансирования тем, кто разрушительно воздействует на наши духовные ценности, нашу культуру, наше общество. Это не цензура, это государственная культурная политика.

Очень часто деятели культуры говорят: «А как же новые формы? Вот в прошлые века были передвижники, были импрессионисты, и каждая новая форма являлась отрицанием старой, и именно так развивается искусство и культура». Что на это можно возразить? Во-первых, новые формы действительно бывают в каждом поколении, в каждой эпохе, но только ничтожная доля тех, кто объявляет себя новаторами, переживают свою эпоху и вносят вклад в нашу классику. Если взять XIX век, то, наверное, по сравнению с Тредиаковским и Державиным Пушкин был олицетворением нового слова, новой формы. Но одновременно с

Пушкиным творили сотни поэтов, а в истории остались Пушкин и Лермонтов, остальных мы с ходу и не назовём. Значит, совершенно не факт, что то, что сейчас объявляется новой формой, будет расцениваться как нечто выдающееся сто лет спустя — это во-первых. А во-вторых, никакая новая форма не может оправдать вредоносного для общества содержания. То есть если человек — новатор, но его творчество несёт негативный, разрушительный заряд для общества, то никакой новой формой его оправдать нельзя. Многие деятели культуры, которые ратуют за новые формы в театре и живописи, вызывают обоснованное подозрение: а не объясняется ли их новаторство тем, что они просто не умеют творить? Как умели творить классики. Возможно, люди, которые хотят прославиться, вместо того, чтобы создавать хорошие вещи и профессионально это делать, ударяются в эпатаж, кощунство, оскорбления, порнографию и на волне скандального интереса заявляют о себе как о «новаторах» и «борцах с системой». А в живописи люди, не умеющие рисовать, говорят: «Я так вижу, я художник, вы обязаны воспринимать меня таким, какой я есть». Очень часто это объясняется тем, что человек просто не считает нужным учиться рисовать.

Есть такая шутка. Некто заявляет: «Я художник, я так вижу, я создаю абстрактные композиции, не имеющие аналогов в реальном мире». У него спрашивают: «А кто вы по профессии?» «Я — пластический хирург». Смешно, да? Разве будут доверять пластическому хирургу, который объявляет себя новатором-экспериментатором-абстракционистом? Но почему же тогда мы должны доверять наши умы и умы наших детей случайным людям, ставящим эксперименты в культуре? К сожалению, многие представители нашей культурной интеллигенции пока ещё не понимают этого.

Что ещё приходится слышать, когда мы обсуждаем эти материи? Нам говорят, что художник, культура должны всё отражать: и плохое, и хорошее, и мерзкое, — потому что это наша жизнь. Что можно на это возразить? Во-первых, можно вспомнить строки Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное, сейте, спасибо вам скажет сердечное русский народ». Здесь речь идёт о понимании культуры и искусства как отражения не просто всего подряд, а того, что человека возвышает. Вообще слово «культура» — латинское, оно переводится как «возделывание», «улучшение», и глубинный семантический его смысл — это воспитание, возделывание, улучшение человека. То есть культура — это то, что человека улучшает или хотя бы не ухудшает. Надо ли отражать в культуре всё, что нас окружает? Это тоже можно пояснить на примерах. Думаю, многие помнят пьесу Горького «На дне». И, наверное, все читали «Капитанскую дочку» Пушкина. Можно себе представить, на каком языке на самом деле общались бунтовщики-пугачёвцы, которые выведены в романе Пушкина. Мат изобрели давно, и наверняка пугачёвцы не ограничивали себя в использовании площадной лексики. Но Пушкин не стал вводить в текст эту лексику, ему не надо было использовать мат, чтобы показать реальность, которая была при Пугачёве, и он создал шедевр.

То же самое у Горького. Вообще, пьеса «На дне» известна фразой «человек — это звучит гордо», но вспомним, кто это говорит. Персонажи пьесы — бомжи, бродяги, шулеры, мелкие воришки, преступники и прочие деклассированные элементы. Вы себе представляете, на каком языке они общались в этой ночлежке? Думаю, на матерно-блатном; данная прослойка общества и сейчас общается на таком языке. Но Горький хотя и был писателем неоднозначным, не нуждался в том, чтобы использовать матерную речь для отражения интересовавшей его

реальности. Представляется, что деятели культуры, которые требуют, чтобы на сцене и в фильмах непременно был мат, просто не имеют достаточно таланта, чтобы отразить реальность, не оскорбляя при этом людей.

Возвращаясь к теме наших законов о культуре, можно сделать главный вывод: государство должно заниматься воспитанием людей через культуру, через её сохранение; государство должно оценивать явления культуры, оценивать деятелей культуры и на основе этих оценок принимать решение о том, финансировать этих деятелей или нет. Это и есть государственная культурная политика в предельно упрощённом виде.

Но проблема в том, что на сегодняшний момент механизм этой оценки у нас законодательно не прописан. Поэтому попытки проведения культурной политики часто встречаются криком нашей творческой интеллигенции: «А судьи кто? Кто нас будет оценивать? Почему вы, чиновники, должны нас оценивать, какое вы имеете на это право?» Однако государство не может не оценивать то, что происходит в обществе. И именно государство должно этим заниматься, потому что отдельные люди не могут делать это столь же эффективно. Культурная политика — это сфера государственных интересов.

У нас демократическая страна. Все мы избираем президента, президент назначает министров, включая министра культуры. И министру культуры даны те полномочия, о которых мы с вами говорим. Осуществление этих полномочий — это и есть та демократия, которая прописана в нашей Конституции. Но в нашей системе, к сожалению, не прописаны механизмы этой работы, и вся деятельность министерства культуры в последние годы — это попытка такие механизмы создать. Попытка во многом неудачная в силу сопротивления группы людей, которые

привыкли получать деньги, объявляя себя творцами культуры, и ни за что ни перед кем не отвечать.

Стремление создать механизмы осуществления культурной политики привело к необходимости создать закон «О культуре». Но нужен он не только для этого. Тот, кто сталкивался с нашей культурной жизнью, наверное, знает, что очень многие жалуются на существующий закон о государственных закупках, где всё проходит по конкурсу, на торгах. Эта система бюрократизированная, сложная, неэффективная; часто на торгах выигрывают мошенники. Многие люди, работающие в сфере культуры — в музеях, театрах, библиотеках, страдают от этого несовершенства законов.

Большие проблемы есть и в образовании в сфере культуры. Вузы культуры и искусства имеют двойную подчинённость: их финансирует министерство культуры, но за счет тех средств, которые оно получает от министерства науки и высшего образования. Минобрнауки полагает, что нужно давать деньги за реальную работу, поэтому каждый вуз должен получать финансирование в зависимости от числа обучающихся в нём студентов. Но, допустим, в сельскохозяйственном вузе один профессор может одновременно обучать сто студентов, и этому вузу, чтобы обучить сто студентов, нужна зарплата одного профессора. Тогда как в сфере культуры ситуация совершенно иная. Например, одному студенту необходим один рояль, один преподаватель и ещё один концертмейстер. То есть в данном примере мы имеем двух преподавателей на одного студента. Стремление Минобрнауки к экономии бюджетных денег можно понять, но обучение в вузах культуры невозможно выстроить так же, как в сельскохозяйственных вузах. И этот момент также должен найти отражение в законе «О культуре».

Ещё одна проблема в том, что культура у нас отнесена к сфере услуг. Так сложилось ещё в 1990-е годы, и в нашем классификаторе профессий культура оказалась рядом с прачечной. Сначала в классификаторе идут услуги прачечной, потом услуги в сфере культуры, а после них — услуги похоронных бюро. Это не шутка, это реально существующий классификатор видов деятельности. Но по такой логике и оборону страны тоже можно назвать услугой, однако оборона — это всё же больше, чем услуга. Так же и культура. Это не просто схема «заплати деньги и получи услугу», например билет в кино. Культура — это гораздо больше, чем услуга, но формально культура у нас до сих пор относится к сфере услуг, и у многих к ней сохраняется соответствующее отношение.

Когда мы говорим «культура», то мы, как правило, имеем в виду министерство культуры. Но этому министерству не подчинены телевидение и радио, они относятся к министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Народные промыслы, признанные культурным достоянием, такие как Палех, почему-то отнесены к министерству промышленности и торговли. Работа с молодёжью тоже находится вне сферы ведения Минкультуры, этой работой занимаются министерство просвещения, министерство науки и высшего образования и Федеральное агентство по делам молодёжи. Вот уже много лет идут дискуссии о том, что нам необходим орган, координирующий культурную политику, но пока он так и не заработал. Ещё в 2014 году в «Основах государственной культурной политики» было сказано, что необходимо создать такой орган, но воз и ныне там. Все эти моменты должны были найти своё место в законе «О культуре».

В 2018 году была создана рабочая группа во главе с руководителем Администрации президента Антоном Эдуардовичем Вайно. В её состав вошло множество уважаемых лю-

дей: министр культуры Владимир Ростиславович Мединский, митрополит Тихон (Шевкунов), режиссёр Никита Сергеевич Михалков и многие другие — всего порядка 50 человек. Весной 2019 года мы увидели первый плод работы этой группы, концепцию закона «О культуре». Представляла её бывший редактор газеты «Культура», а ныне председатель Комитета по культуре Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Елена Александровна Ямпольская. Я разговаривал со многими людьми, состоявшими в этой комиссии. В том числе лично беседовал и с Михалковым, и с Мединским, и с владыкой Тихоном. Я спрашивал у членов комиссии: «А вы читали то, что от вашего имени здесь представляется? Вы участвовали в подготовке этого документа?» Как оказалось, не участвовали и не читали! У меня сложилось впечатление, что представленная тогда в Госдуме концепция закона «О культуре» была создана какой-то узкой группой людей, причём настроенных крайне либерально. Но мне так и не удалось выяснить, кто был в числе её авторов.

То, что было представлено 22 марта 2019 года на слушаниях в Госдуме, — очень спорный документ. По всей видимости, люди, которые там собралась, ранее этот документ не читали — им выдали при входе в зал пачку бумаги страниц на 40 и предложили обсудить закон «О культуре». Естественно, все эти деятели театров, музеев и кино знали, что закон «О культуре» нужен, и поэтому одобрительно высказывались о его проекте, не читая сам документ.

Пока все эти люди выступали, я и Александр Владимирович Щипков ознакомились с содержанием документа. После этого мы попросили слова и высказали свои критические замечания. Многое в том документе нас насторожило, возмутило

и поразило. Общая тональность концепции была такова: государство обязано деятелям культуры просто по факту того, что они есть, обязано их финансировать, а сами деятели никому и ничем не обязаны, они свободные творцы, которые могут творить, что хотят. В свете того, о чём я говорил выше, такой подход представляется мне абсолютно неприемлемым для общества и просто вредным. Тем не менее общая направленность концепции закона «О культуре» была такова, что государство должно давать деньги, и при этом деятели культуры не несут никакой ответственности перед обществом.

В концепции сказано, что гражданам должны предоставляться культурные блага, и что это тоже обязанность государства, но совершенно непонятно, какими эти блага должны быть. В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» есть определение, что культурные блага — это условия и услуги, предоставляемые организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей. Но это как раз и есть то самое понимание культуры как сферы услуг, с которым мы пытаемся бороться. То есть в концепции закона «О культуре» не было ни слова про воспитание, про государственную культурную политику, про отбор того, что нам нужно поддерживать, говорилось лишь о необходимости финансировать «культурные блага».

В концепции заложена обязанность государства поддерживать фестивали, творческие конкурсы, выставки и так далее. Это дело хорошее, их действительно надо поддерживать. Но их сотни, тысячи — как выбрать из них те, что достойны поддержки? Концепция об этом не говорит. Концепция обязывает государство оказывать поддержку творческим работникам, финансировать разные мероприятия, субсидировать негосударствен-

ные организации, связанные с культурой. Да, это тоже нужно делать, но вряд ли стоит поддерживать всех подряд.

В концепции нет чётко прописанного механизма выбора того, что достойно поддержки, а что нет. То есть механизм, который позволяет делать некий отбор, описан, но сделано это очень витиевато. Суть дела в следующем: предлагается создать такую систему, при которой государство будет предоставлять бюджетные деньги отраслевым общественным организациям сферы культуры, а уже они между собой будут эти деньги как-то распределять. Иными словами, не государство будет решать, кому давать деньги (каким театрам, музеям и на какие фильмы), а творческие союзы. Но если мы почитаем уставы данных организаций, то увидим, что в них нет ни слова про государственные цели и задачи. Наверное, это нормально, потому что эти организации — нечто вроде профсоюзов: Союз музейщиков защищает музеи, Союз кинематографистов — интересы кинематографистов, Союз театральных деятелей — интересы театральных деятелей. Но ведь тогда получается, что при распределении денег они будут исходить не из государственных интересов, а из своих, корпоративных интересов. И едва ли это будет происходить по объективным критериям.

То, о чём я говорю, совершенно не означает, что интересы творческого сообщества должны игнорироваться. Они тоже часть нашего общества. При министерстве культуры и других министерствах существует множество экспертных советов, в которых заседают деятели культуры. Министерство культуры всегда советуется с деятелями культуры. Но голос деятелей культуры не должен быть решающим при оценке их собственной деятельности. Может быть, давать оценку должно не только государство. Здесь должны иметь голос общественные органи-

зации, которые отражают интересы широких слоёв общества. Например, есть Национальная родительская ассоциация, которая отражает интересы детей и их родителей. Наверное, было бы разумно спросить представителей этой организации, как они оценивают разные культурные новации или иные мероприятия, затрагивающие их интересы.

Вторая группа структур, которую необходимо привлечь к участию в решении вопросов культурной политики, — это традиционные конфессии и, конечно, Русская Православная Церковь, а также связанные с ними организации. Например, Всемирный русский народный собор. Свои традиционные ценности русский народ воспринял от православия, и даже атеисты в целом придерживаются тех же самых ценностей. Поэтому эти структуры необходимо привлекать к управлению сферой культуры.

И последнее — это массовые политические партии. Это тоже реально работающие организации; причём, независимо от политического направления, все они — «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР — чаще всего единодушны, когда занимаются вопросами культуры и духовного благополучия народа. У этих партий различное отношение к разным эпизодам нашей истории, но в базовых вещах, таких как патриотизм, они выступают единым фронтом. И водораздел чаще всего проходит не между коммунистами и единороссами, а между теми, кто болеет душой за Россию, за наше общество, его самостоятельность и сохранность, и теми, кто ориентируется на зарубежные страны.

В той концепции закона «О культуре», которую нам представили, заложены совершенно уникальные, ультралиберальные новации, которых раньше не было никогда. Это обязанность государства финансировать творческую деятельность незави-

симо от её содержания и запрет на принятие кадровых решений, обусловленных творческой деятельностью. Это означает запрет на какую-либо оценку культурной деятельности, отказ от самой идеи культурной политики. Напомню: несколько лет назад за показ спектакля «Тангейзер» директор Новосибирского театра был снят со своего поста. Это пример того, что государство не могло не снять с должности человека, который поставил кощунственный по отношению к христианской религии спектакль, который оскорбил и верующих, и неверующих. Даже другие конфессии из солидарности выступили против этого спектакля. Причём дело дошло до того, что в Новосибирске начались демонстрации с обеих сторон: либералы и их противники стали выходить на улицы, стала усиливаться социальная напряжённость, и в такой ситуации уже нельзя было не снять директора с должности. Если человек не понимает, что такие вещи ставить нельзя, то ему не место на руководящей должности в федеральном учреждении. Но если бы новая концепция закона «О культуре» на тот момент была принята, тот деятель до сих пор бы работал.

В концепции предлагалось, чтобы государственный заказ никак не учитывал отношение создателя произведения искусства (художника, автора, режиссёра) к ключевым для государства и народа историческим событиям и ценностям. Предположим, необходимо установить памятник, посвящённый Великой Отечественной войне, и проводится конкурс, где все проекты оцениваются только с точки зрения «эстетики». В результате может победить памятник, героизирующий сторонников нацистов, если его автор предложит самую красивую и оригинальную «интерпретацию» темы войны.

Мы видели уже много интерпретаций классики, которые разрушают смысл, вложенный авторами в свои произведения.

Видели разные интерпретации истории, даже те, которые прямо фальсифицируют эту историю. Государство не имеет права их поддерживать.

При этом я призываю не демонизировать деятелей культуры и не создавать ситуацию тотального недоверия к ним. В области культуры в нашей стране работает около полумиллиона человек. В подавляющем большинстве это подвижники: работники библиотек, музеев, театров, особенно театров регионально-муниципального уровня, которые искренне желают сделать людям что-то хорошее и получают за это очень небольшие деньги. Но в информационном поле мы чаще видим не этих добросовестных работников, а довольно небольшую группу очень скандальных и эпатажных людей, которые пытаются узурпировать право управлять культурой. К сожалению, в руководстве творческих союзов очень много такого рода людей. Если этот закон будет принят в предлагаемой редакции, то именно эти творческие союзы, включающие таких псевдотворцов, получат право на финансирование самих себя. Это не отменит финансирование огромной сети музеев, библиотек и других учреждений культуры, но сильно затруднит эффективное расходование денег. Деньги пойдут не туда, куда нужно обществу, а туда, куда их направят деятели из творческих корпораций.

В концепции есть также интересный пассаж о том, что на результаты творческой и профессиональной деятельности, осуществляемой в специально предназначенных для этого пространствах, не распространяется закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью. Это значит, что в музеях и театрах можно будет показывать что угодно, невзирая на здоровье детей. Сейчас, правда, это тоже можно делать, но по крайней мере есть требование, чтобы такие показы име-

ли маркировку «18+», или другие ограничения. Думаю, что этот момент требует пересмотра в законе «О культуре», но в сторону ужесточения, тогда как в концепции предлагается не усиление защиты детей, а ровно наоборот. Получается, что любой музей, театр, кинотеатр сможет показывать детям что угодно.

Также в концепции закона «О культуре» было сказано, что продукты творческой деятельности не подпадают под действие статьи 148 Уголовного кодекса Российской Федерации о нарушении права свободы совести и вероисповедания. Эта статья была введена в 2013 году, и многие помнят, какие споры по этому поводу были в обществе, хотя в итоге здравый смысл возобладал. Если что-то является оскорбительным для огромной части нашего населения, то этому не место в публичном пространстве. Здесь же, видимо, те самые лица, которые выступили против принятия этой статьи, требуют освободить культуру от её действия. Кроме социальной напряжённости, я думаю, ничего это не принесёт. В целом рассматриваемая концепция закона о культуре, которую непонятно кто создал, выглядит как вброс, как провокация, сделанная с целью посмотреть, что из этого выйдет. Пока что очень многие выступили против, и работа над ней встала. Позже пассаж про 148-ю статью из концепции убрали, думаю, благодаря выступлению Александра Владимировича Щипкова. Но осталось многое другое. Поскольку официальной публикации, посвящённой этой концепции, нигде не было, сложно сказать, отказались ли её авторы от идеи протащить в законе ограничение действия 148-й статьи или это был временный, тактический манёвр.

В концепции интересно описано понятие «учреждения культуры». Предлагается создать под него отдельную правовую форму и ввести неограниченную ответственность государства

по долгам этого учреждения. Это очень удобная схема: творец делает что хочет, тратит на это государственные деньги, а если он перерасходовал деньги, то государство должно все его долги оплатить. Тут только можно руками развести.

В законе предлагается отдельно закрепить понятие «современное» или «актуальное» искусство в качестве отдельного направления культурной деятельности. Об этом тоже были большие споры. Что значит современное? На уровне здравого смысла кажется, что всё то, что творят наши современники, и есть современное искусство. Идёт ли речь об абстракционистах, о Глазунове, о Церетели — это наши современники, поэтому всё это современное искусство. Логично предположить, что актуальное искусство — это то, что актуально для нас с вами, поэтому Пушкин актуален уже 200 лет. Но нам навязывают пришедшее с Запада понимание того, что «современное» и «актуальное» — это непременно что-то нетрадиционное, необычное, эпатажное, провокационное.

Я очень надеюсь, что закон «О культуре» в его нынешнем виде не будет принят, и этого можно достичь совместными усилиями всех тех, кто не разделяет либеральные взгляды, на которых он основан.

Общество, которое лишено идеологии, которое не ставит во главу угла духовные ценности, перестаёт существовать. Печальная судьба христианства в странах Западной Европы это подтверждает. Но мне кажется, здесь надо смотреть шире, потому что дело не только в церкви, а в том, что бездуховность в принципе разрушает общество. Здесь не так важно, является ли человек воцерковленным или нет. Здесь важно, чтобы он имел какой-то стержень внутри себя — идейный, нравственный, духовный, ценностный. Если этот стержень у человека

есть, то у него будут дети, он воспитает их, проживёт долгую счастливую жизнь и оставит своим потомкам то, что оставили нам наши предки. Если этого нет, то мы получим то, к чему скатилась сегодня Европа. Ну, а что будет с Россией — точно зависит от нас с вами.

О. А. Матвейчев

профессор НИУ ВШЭ,
политический технолог и консультант, канд. филос. наук

ХРАМ И МИТИНГ. ТЕХНОЛОГИИ УЛИЧНЫХ ПРОТЕСТОВ НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА

Я хочу рассказать об уличных протестах на примере акций протеста против строительства кафедрального собора святой великомученицы Екатерины на территории сквера в центре Екатеринбурга, которые прошли в мае 2019 года. Рассказать о том, что там произошло, какие выводы и уроки из этого можно извлечь, как и кем всё это было технологически выстроено. Я знаю лично многих людей, которые оказались участниками этих событий, потому что в своё время я 11 лет прожил в Екатеринбурге: там я учился, там защищал диссертацию. Тогда же я и познакомился с участниками упомянутых событий. Это были мои коллеги — журналисты, политологи, чиновники (одно время я работал в штабе губернатора, поэтому знал и многих чиновников). Наверное, около 90% участников этих событий я знаю лично, и то, что я буду о них говорить (не называя многих имён), — это не какие-то наветы, а то, что я знаю абсолютно точно из личного опыта общения с ними.

Проблеме екатеринбургского храма уже много лет. Как только в 1990-е годы началось возвращение людей в Церковь и восстановление разрушенных в советское время храмов, в Екатеринбурге встал вопрос о главном городском храме, уничтоженном в 30-е годы XX века. До этого времени главным храмом города был храм Святой Екатерины. Он стоял на главной пло-

щади, которая сейчас называется площадью Труда, и был заложен при основании города в 1723 году, после чего простоял там 200 лет. Это был старейший храм области, одно из первых зданий Екатеринбурга. Конечно, столь значимый для города храм хотели восстановить с 1990-х годов, но сделать это по разным причинам не удавалось. Потом «Русская медная компания» и «Уральская горно-металлургическая компания» вызвались восстановить главный храм Екатеринбурга. Они готовы были строить его исключительно на собственные пожертвования. Местом, изначально выбранным для строительства, была площадь Труда, то есть то место, на котором храм располагался исторически. Сейчас на этой площади находится часовня и здания, в которых располагаются госучреждения. И если бы на то было желание и воля властей, они могли бы решить вопрос о восстановлении храма на этом месте, но этого не случилось.

Вскоре началась акция под названием «Фонтан вместо храма». Появились публикации и заявления отдельных общественных деятелей, что лучше построить на площади Труда красивый фонтан, нежели храм, и для поддержки этой позиции была создана специальная общественная организация. Тогда же прошли первые митинги против строительства храма. Это было ещё в 2007-2008 годах, и с помощью этих митингов активистам удалось повернуть ситуацию в свою сторону. Тогда власти приняли решение не портить сложившееся городское пространство и перенести храм на воду, построив его на насыпном острове. Пожалуй, это было бы красиво, и этот проект мог бы стать визитной карточкой Екатеринбурга, повысить его туристическую привлекательность. Но тут же возникло общественное движение «Пруд вместо храма». Активисты вставали у пруда в живые цепочки и всеми силами препятствовали тому, чтобы там

что-то было построено. Поднялась шумиха в прессе, начались митинги, демонстрации. Единственное, чего удалось тогда добиться от протестующих — это договориться о том, чтобы после проведения общественных слушаний по выбору нового места для храма протестующие согласились бы с мнением большинства и поддержали инициативу по строительству на этом месте. Их требования были приняты. Первый урок, который нужно извлекать всем, кто оказывается в подобной ситуации, — этим товарищам верить нельзя. Потому что следующим местом был выбран парк возле больницы, что и стало причиной тех протестов, о которых вся страна узнала в мае 2019 года. Активисты протестов забыли все свои обещания и по уже обкатанной схеме создали движение «Парк против храма».

Важная особенность таких историй заключается в том, что всегда, во время всех протестных событий, революций, майданов, нужно руководствоваться принципом «ищите женщину» — искать человека из власти, из элиты, с деньгами, с организационными способностями, который за всеми этими протестами стоит. Самоорганизующихся протестов не бывает. В случае со строительством храма в парке большинство людей просто не узнали бы, что там строится, и всё это не получило бы никакого общественного резонанса. Фактически никакого парка там, где в Екатеринбурге хотели строить храм, нет, есть несколько деревьев, есть маленький пяточок земли, на котором, собственно, только храм и мог бы поместиться. Было организовано нигде не зарегистрированное общественное движение под названием «Парки и скверы Екатеринбурга». Неформальным лидером движения СМИ называли Анну Балтину¹ и её сестру Алёну Смыш-

¹ <https://66.ru/news/society/220803/>

ляеву². Строительная фирма «Атомстройкомплекс» (некоторые СМИ называют её близкой к предпринимателю В. Г. Тунгусову³) выдала им грант на экологическую акцию по подсчёту деревьев в городе. Подсчёт деревьев они начали именно с того сквера, где должны были построить храм. Насчитали 300 деревьев, которых в действительности там даже близко нет. После этого начались акции в ряде СМИ, которые и стали разогревать народ по поводу уничтожения парка. Повторюсь, как человек, проживший в Екатеринбурге 11 лет, я могу ответственно заявить, что это место — просто пустырь, который никогда не был любимым местом горожан, и на прогулки туда никто никогда не ходил.

Когда земля была выделена и все слушания прошли, власть должна была показать свою силу — закон должен исполняться. Всякий, кто выступает против законного решения постфактум, должен жёстко караться — за хулиганство и за организацию незаконных митингов и акций. Нам нужно ужесточать законы хотя бы до европейского уровня. В Европе за всевозможные незаконные акции и хулиганства штрафы значительно выше, чем у нас. Нам тоже нужно их поднимать — миллион рублей, полтора, два и так далее. Так, чтобы у организатора протестов, будь он каким угодно олигархом, просто не хватило бы денег заплатить штрафы за 20, 30, 50 человек. Заплатить за каждого по 2-3 миллиона — это существенно для любого, особенно если сделать это придётся два-три раза. Пусть эти деньги пойдут в бюджет города. И, конечно, нужно принимать новые антифейковые законы. Не нужно устанавливать технические ограничения, потому что любые ограничения такого рода всег-

² <https://ura.news/news/1052431513>

³ <https://ebug.mk.ru/politics/2018/09/12/imperiya-tungusova-kak-stroilsya-biznes-khozyaina-ekaterinburga-i-ego-okruzeniya.html>

да можно обойти, нужно контролировать именно контент. Законом должны быть запрещены к показу определённые сюжеты, в том числе призывы к незаконным действиям. Журналист должен иметь своего рода этику. Положим, ему сообщили о каком-то протесте. Он уточняет эту информацию и узнаёт, что это за протест. Например, выясняется, что это протест против строительства храма, но само строительство законно, а те, кто протестуют, соответственно, закон нарушают. Тогда и при освещении этого события он должен учитывать, что протест незаконный, а стройка законна. Озвучивание прямо противоположной информации (особенно умышленное) должно предполагать некие штрафные санкции для журналиста и редакции, вплоть до лишения лицензии на вещание.

Одним из наиболее активных СМИ, участвовавших в кампании «за парк», был портал «E1.ru» (Екатеринбург онлайн), самый популярный портал Екатеринбурга, принадлежащий медиахолдингу «Хёрст Шкулёв Групп»⁴. Виктор Михайлович Шкулёв — предприниматель, который ещё в 1990-е годы организовал сначала в Челябинске, а потом и в других городах России городские порталы, на которых обсуждались всевозможные городские новости. Со временем они превратились в информационную сеть, распространившую своё влияние на многие регионы страны. Шкулёв вошёл в партнёрство с известной американской медийной организацией «Хёрст» (*англ.* Hearst). Сейчас этот холдинг⁵, по сути российско-американский, контролирует огромное количество интернет-порталов в России: несколько различных интернет-изданий и печатных журналов, 67 регио-

⁴ <http://www.hearst-shkulev-media.ru/projects/site/sgp/>

⁵ https://ru.wikipedia.org/wiki/Хёрст_Шкулёв_Медиа

нальных представительств⁶. Сила их велика, и если они создают информационную шумиху, она выходит далеко за пределы одного города. Если бы только в Екатеринбурге писали про события, связанные со строительством храма, это дело не получило бы такого размаха, но когда об этом стали писать по всей стране, в том числе в Москве, у многих возникло ощущение, что весь «Фейсбук», все «Одноклассники» и прочие социальные сети «гудят», что это событие федерального масштаба. Ринат Низамов, руководитель портала «E1.ru» по факту оказался одним из ньюсмейкеров по теме храма⁷.

Следует также сказать, что российский закон об иностранных агентах не запрещает СМИ с иностранным капиталом вести деятельность на территории России. Он всего лишь заставляет их регистрироваться как иностранных агентов. В Госдуме обсуждался закон о том, чтобы иностранцы могли владеть не более чем 25% акций того или иного СМИ. Но, кажется, этот закон так и остался где-то в стадии обсуждения.

Иностранные СМИ имеют возможность вмешиваться в нашу внутривнутриполитическую повестку. Не все знают, насколько влиятельны эти иностранные агенты на территории России. Большое число частных местных телеканалов, даже не имея в числе владельцев иностранцев, тем не менее, от них зависят. Мне доподлинно известно, что одному местному телеканалу в городе Туле американцы предложили помощь в виде выгодного кредита на покупку техники. Руководство канала взяло этот кредит и закупило на него необходимую технику. Через некоторое время от американцев поступили пожелания о том, как следует освещать какие-то митинги, причём в Москве, а не

⁶ <http://www.hearst-shkulev-media.ru/about/history/>

⁷ https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66047806.html

в Туле. Директор канала возразил, что вообще-то это новости московские, и в этих митингах участвуют националисты, которых они принципиально не показывают. Кстати, это нужно отметить особо: американцы хотели, чтобы канал показывал русских националистов, и не надо думать, что американцы поддерживают только либералов. Они выступают за любые силы, которые стремятся дестабилизировать власть. Им не важно, на какой бок перевернётся лодка — на левый или на правый, либеральный или националистический. В данном случае они требовали показать сюжет про «Русский марш». Директор сказал, что он этого делать не будет, и вскоре после этого ему пришло требование вернуть деньги по договору. Оказалось, что где-то на 35-й странице договора из его 70-ти страниц был пункт о возможности его досрочного расторжения, при котором канал будет обязан вернуть деньги. В результате телеканал разорился. Практически во всех регионах страны, где есть частное телевидение, американцы предлагают свои кредиты. Таким образом, иностранцы могут формально не входить в число владельцев СМИ, но оказывать влияние на его редакционную политику, тем самым обходя закон об иноагентах. И если бы закон об ограничении доли иностранной собственности в СМИ был принят, всё равно остались бы схемы, позволяющие этот закон обходить.

Поэтому, чтобы ограничивать зарубежную пропаганду, нужно вводить требования не только к владельцам, но и к эфиру. Только в этом случае можно не бояться подкупа каналов. Например, можно законодательно установить требование, запрещающее показ любых массовых собраний без официального акта или комментария ответственных лиц. Должны быть утверждены основные принципы, регулирующие редакционную политику СМИ, например, запрет на показ трупов, детей, терро-

ристов во время терактов, чтобы не мешать следственным органам. Не надо думать, что это какие-то драконовские меры, это всего лишь основы информационной безопасности общества.

После воссоединения Крыма с Россией, против нас, как известно, были введены санкции, и было сказано, что мы дорого за это заплатим. Затем произошло резкое усиление информационного давления на нашу страну. Крупные СМИ Болгарии, Швеции, Дании, Прибалтики теперь регулярно публикуют в своих новостях различные фейки: то русская подводная лодка к ним заплыла, то военный самолет залетел, то арестовали русских шпионов, то ещё что-то. Словно крутят барабан и вытаскивают из него бумажки с однотипными текстами о новых провокациях и угрозах со стороны России. То есть задача зарубежных информантств — всё время находить какие-то негативные информационные поводы для демонизации России. На территории Прибалтики и Украины были созданы целые подразделения для ведения информационной войны с Россией. Они управляют десятками тысяч аккаунтов, которые распространяют в интернете всевозможные небылицы о России, прогревают информационный фон. На моем Youtube-канале есть большая лекция, состоящая из четырёх частей, посвящённая рассмотрению этого вопроса на примере информационной работы США на территории Украины⁸. Там очень подробно и с приведением конкретных имён описывается, что они делают и как, какое воздействие оказывают. Захватив Украину, США приобрели огромный плацдарм русскоязычных людей, которые в нашем интернете, замаскированные под наших пользователей, распространяют невероятное число фейков.

⁸ https://www.youtube.com/watch?v=dBv_HjBcclK

Стоит остановиться подробнее на областях, в которых зарубежные СМИ продолжают против нас работать. Первое большое направление — это традиционно правозащита: ищутся люди, пострадавшие от полицейского и судебного произвола, мониторятся происшествия в армии на случай, если там кто-то пострадает. Будут также искать любые информационные поводы против Церкви. Совершенно точно будет использоваться экологическая тема, например митинги против мусорных полигонов, «мусорная реформа». Второе большое направление — это антикоррупционная риторика. Почти всё, что касается так называемой борьбы с коррупцией, в медийном пространстве инициировано ими. Эта тема была раскрыта мной в книге «Мифы о коррупции» (2018 г., издательство «Книжный мир»). До 50–60% фейков и ложной информации, вбрасываемой в наше информационное пространство из-за рубежа, связаны с коррупционной темой. И третье направление их работы — разыгрывание националистической карты. Причём не важно, какой это будет национализм, они будут поддерживать любой: русский, кавказский, татарский. Любые поводы, которые сталкивают людей между собой, всегда будут поддерживаться из-за рубежа.

Сейчас всё это нацелено на выборы в Госдуму 2021 года и далее — на президентские выборы 2024 года. Недавно была репетиция на выборах в Мосгордуму, летом 2019 года мы это видели. Некую силу нам показали, отработали определённые технологии. Следующие значимые для страны выборы будут в Госдуму.

Борьба с политическими фейками затруднена тем, что значительная их часть распространяется через социальные сети, зарегистрированные за рубежом, в большинстве случаев — в США. Например, есть подозрение, что «Фейсбук» кос-

венно поддерживает сторонников Навального. Их агитация не получает там ярлыка «на правах рекламы», а получает приоритет. Многие пользователи «Фейсбука» жалуются на то, что им в ленту попадает подобный политический контент. Вчера я сам увидел в ленте один политический фейк и решил посмотреть, откуда он взялся. Смотрю: автора этого сообщения у меня в друзьях нет. Спрашивается, каким образом это оказалось у меня в ленте? Представляется, что это происходит не случайно.

Естественно, о запрете «Фейсбука» в стране речь не идёт. Однако можно требовать, чтобы нормы, связанные с контентом в «Фейсбуке», были одинаковыми для всех. Известно, что если в «Фейсбуке» человек напишет слово «хохол», его аккаунт заблокируют в кратчайшие сроки. Но если «Фейсбук» может модерировать весь контент на предмет употребления одного слова, то он может модерировать русскоязычный сегмент так, чтобы он соответствовал нормам нашего законодательства. Пусть он модерировать все прямые оскорбления России, президента, гимна и флага.

Вернёмся к протестам в Екатеринбурге. Строительство храма в Екатеринбурге было изначально абсолютно законным, потому что в январе 2019 года прошли общественные слушания, в которых приняли участие более трёх тысяч человек; всё это было зафиксировано, и большинство участников высказалось за строительство храма. После этого были выданы все необходимые документы на строительство, огорожена строительная площадка. Но некоторые региональные СМИ стали готовить видеоролики и статьи, в которых продвигали идею о том, что храм строится якобы незаконно. Когда люди начали громить ограждения стройплощадки, они были уверены в том, что они, горожане, восстанавливают справедливость, очищают от незакон-

ных ограждений городское парковое пространство. Как только 12 мая по призыву отдельных активистов митингующие стали сносить ограждения, это стали тиражировать во всех Telegram-каналах. Информационное поле было полностью подготовлено, и когда информационные агентства рассказали о том, что было снесено первое ограждение, на стройплощадку сразу же пришли сотни людей, которые начали это поддерживать. Все эти сотни людей были организованы. Почти сразу к организации протестов присоединились сторонники Навального, блогеры-активисты. Как выяснилось позже, трансфер в Екатеринбург и обратно сотен людей из Петербурга, Москвы, Челябинска для участия в протестах оплачивался. Также оплачивались мобильные кофейни, пиццы, которые приносились протестующим. Ни о каком мифическом народном энтузиазме, о том, что люди сами туда пришли и кто-то по доброте душевной покупал для них пиццу и кофе, говорить не приходится.

Как только люди стали сносить ограду, в сквер, естественно, подтянулась полиция, но она ничего не делала, чтобы воспрепятствовать противоправным действиям. Это было тут же использовано в репортажах некоторых местных СМИ для обоснования законности действий погромщиков. Говорилось, что если бы они делали что-то незаконное, то полиция бы вмешалась, но раз полиция не вмешивается, значит, незаконно само строительство храма, и борьба с этим строительством оправданна. Это позволило большому числу людей почувствовать свою правоту и безнаказанность.

Сама по себе ситуация вопиющая: на глазах у полиции и Росгвардии совершаются противозаконные действия, а те не вмешиваются. Попытка усмирить людей тем, что ты не отвечаешь на их провокации и не вмешиваешься в происходящее, гу-

бительна, потому что протестующие при этом всё больше чувствуют свою силу и безнаказанность. Конечно, надо было пресекать всё это в самом начале, 12-го числа, когда в сквер пришли всего около двухсот человек, и не давать протесту разрастаться до пятитысячных митингов. Переход от «мимимишных» действий к прямым столкновениям произошёл именно 12-го числа. До этого участники протестов демонстрировали дружелюбие и прикидывались слабыми. Это одна из майданных технологий («они же дети»): протестующие дарят полицейским цветы и призывают к «миру во всём мире». В парке они тоже обнимали деревья, вместе с ними приходила женщина в образе «матери-природы», которая была увешана венками, листьями, ветками. Всё это выглядело очень трогательно и мило на фоне чоповцев, громил, которые охраняли стройплощадку. Но все эти обнимания деревьев, вся эта история с так называемым мирным протестом моментально переросла в агрессивный протест, как только эти люди сломали ограждения, и увидели, что им за это ничего не будет. У них моментально появились и дымовые шашки, и файеры, и яйца, и помидоры, и газовые баллончики, которые пошли в ход против чоповцев, Росгвардии и сотрудников полиции.

Кстати, про эту женщину в образе «матери-природы»: она входит в группу известных сетевых активисток йога-движения. Эти йоги (а у них множество клубов в Екатеринбурге) подключились к протесту моментально. У каждого такого клуба есть свои чаты, это сетевая структура. И нужно понимать, что все их разговоры о том, что они занимаются здоровьем, что они просто растягиваются, на шпагат садятся, и в этом «нет никакого язычества», никакой религии, никакой политики, никакой идеологии, — не совсем соответствуют действительности. Как только перед ними встаёт этический вопрос «за кого

ты?», все они моментально оказываются против православия, и все их разговоры, что они «ни за какую религию» и «вне политики», куда-то уходят.

Здесь возникает много вопросов к местной власти и скорости их реакции на эти события. Не думаю, что сама Церковь могла здесь сыграть какую-то более активную роль. Ещё до начала всех этих событий проходил городской крестный ход. В нём приняли участие около 25 000 горожан. Конечно, эти люди тоже могли бы быть более активными, могли прийти и поддержать строительство храма. Но Церковь не занимается мобилизацией, тем более на митинги. Если бы священники стали призывать людей на митинг в защиту храма, это было бы расценено как провокация. Это был бы призыв к несанкционированному митингу. Чтобы всё было законно, нужно, чтобы какая-то организация сначала подала заявку, и администрация города её бы удовлетворила. Это займёт как минимум три дня. Тогда как все главные события произошли как раз за те же три дня, и никто даже не успел сориентироваться.

По призывам Telegram-каналов и некоторых городских порталов в сквер начала стекаться молодёжь. Свою роль сыграл и Ельцин-центр, поддержавший протестующих. Важным эпизодом противостояния стала акция «Ночь в музее», которую под давлением не отменили. В результате в эту ночь после посещения музеев молодёжь пришла на стройплощадку храма и устроила полный погром. Только тогда на площадку прибыл ОМОН для разгона погромщиков. Было задержано около семидесяти человек. Некоторые участники столкновений, как со стороны омовцев, так и со стороны протестующих, получили травмы.

Кроме того, в родительских чатах по всему городу (сейчас у каждой школы есть свой родительский чат) рассылались

специально подготовленные сообщения о том, что проходит акция в защиту парка, который хотят уничтожить, чтобы построить храм, что все неравнодушные должны прийти и поддержать эту акцию, потому что там «боевики, нанятые олигархами, избивают беззащитных детей». Так к акции подтянулись и некоторые взрослые люди. Стали включаться элементы майданных технологий: приходили люди с гитарами, певшие песни Цоя, какие-то современные рэперы, появилась женщина с контрабасом, которая стала играть, как во времена событий у Белого дома играл Ростропович. То есть быстро развернулось движение, которое должно было развлекать пришедшую толпу. Потом, когда силовики всё-таки со всем этим справились, было задержано в общей сложности до 150 человек, ключевых активистов из числа этой самой молодёжи. После этого часть людей разошлась и, наконец, состоялся диалог противоборствующих сторон.

Нужно сказать, что этот диалог был сильно запоздалым, и участие в нём приняли очень немногие люди. Единственным человеком, который долго и всерьёз общался со всеми, был священник Максим Миняйло. Он долгое время вёл споры со своими оппонентами, несмотря на оскорбления, несмотря на то, что спорить с разгорячённой толпой очень трудно. Тем не менее он вёл себя очень корректно и выдержал все нападки в свой адрес. Ни один из депутатов Городской думы Екатеринбурга, которая голосовала за передачу этого места под храм, не явился на встречу со своими избирателями и никакую разъяснительную работу не провёл. Вице-мэр и губернатор появились в сквере, но буквально на пять минут — сообщить о том, что будет создана некая комиссия, что между сторонами будет налажен диалог и так далее. В итоге о сложившейся ситуации доложили президенту Путину, который во время прямой линии сказал, что

нужно провести опрос населения и по его итогам решить, где строить храм. Если бы не вмешательство Путина, эта история длилась бы ещё долго, потому что ни на каких комиссиях враждебным сторонам договориться не удалось.

В итоге был проведён опрос среди местных жителей, были предложены различные варианты, и сейчас уже утверждено новое место для строительства. Думаю, что на этом всё закончится и храм всё-таки будет построен. Но новые поводы для недовольства будут возникать и впредь, и всё те же люди будут по ним оттаптываться, чтобы снова создать протест.

При возникновении подобных конфликтов у региональной власти может возникать мысль о том, что всё обойдётся. Но нужно помнить, что это не так. Не обойдётся. Напротив, любую ситуацию нужно рассматривать с позиции, предусматривающей худший сценарий. А худший сценарий — это как раз такая толпа, и часто, к сожалению, с какими-нибудь погибшими. Ещё хорошо, что в Екатеринбурге никого не убили, и обошлось без такой провокации. Многие информагентства разместили тогда фотографии, на которых был заснят ребёнок примерно шести лет, который вместе со взрослыми протестующими толкал ограждение. То есть там и дети были. А представьте, если бы тогда кто-нибудь из детей утонул в пруду или пострадал во время давки. Это подняло бы ещё тысяч двадцать людей, которые требовали бы уже найти убийц, наказать власть и так далее. Если многие местные СМИ находятся в руках оппозиции, то именно оппозиция навязала бы горожанам то восприятие случившегося, которое нужно им. Кто бы ни был виноват в случившемся, они сделали бы виноватой власть и сторонников строительства храма. Поэтому, если где-либо возникает конфликтная ситуация, не нужно ждать, что завтра всё кончится само собой,

нужно принимать меры. Организаторы протестов в любом случае будут стремиться довести ситуацию до худшего сценария по своей методичке.

Какие уроки нужно извлечь из этого? Все эти майданные технологии легко узнаются, все протесты организуются по одним и тем же рецептам. Прежде всего, по книге Джина Шарпа «От диктатуры к демократии». Все эти обнимания деревьев, прудов, живые цепочки, приковывания себя наручниками активно используются и в Сербии, и в Грузии, и в других странах. Если начались подобные акции, нужно понимать, что это неминуемо кончится массовыми выходами людей на улицу. Нужно понимать, что за всем этим стоят определённые люди, которые действуют по заранее разработанным схемам.

Э. Ю. Жгутова

член Общественной палаты РФ, руководитель «Общественного центра по защите традиционных семейных ценностей “Иван Чай”»

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА И НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАКОНА О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

В последнее время объектом внимания СМИ стал проект закона о семейном насилии. Эту тему стали поднимать все центральные телеканалы, всё чаще включая в новостные репортажи сюжеты, связанные с темой домашнего насилия, в том числе убийств на этой почве. Принятие соответствующего закона в этих репортажах подаётся как вывод, логически вытекающий из отражаемых событий. СМИ стремятся во что бы то ни стало продать законопроект, любезно предоставленный нам Западом, а чтобы придать ему более авторитетное звучание, акцентируют внимание на том, что этот законопроект был разработан при участии Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Лоббистом закона является телеведущая и депутат Госдумы Оксана Викторовна Пушкина. На сегодняшний день правительство считает, что этот законопроект должен быть принят, хотя в обществе растут сомнения относительно необходимости его принятия. Недавно в связи с нарастающим возмущением в самых широких кругах населения в Общественной палате прошёл круглый стол, посвящённый обсуждению этого законопроекта. Председательствовала Людмила Николаевна Виноградова, член «Роди-

тельского Всероссийского Сопротивления». Кроме того, на днях во всех крупных городах, включая Москву и Санкт-Петербург, прошли многолюдные митинги противников закона. Суть претензий в том, что закон о насилии — это не закон о борьбе с насилием в семье, а закон о насилии над всеми.

Необходимо разобраться в том, откуда взялся этот проект, кто его лоббирует, какова реальная статистика по домашнему насилию на сегодняшний день, какова аргументация лоббистов закона и чем можно им возразить, что сейчас говорит наше законодательство по этому вопросу, и, самое главное, какими могут быть последствия принятия такого законопроекта для наших семей.

История вопроса восходит к 1993 году. Всё было затеяно феминистскими кругами Америки, и важную роль в этом процессе сыграла Марина Писклакова-Паркер. Фамилию Паркер она приняла, когда вышла замуж за агента ФБР Томаса Паркера, который вышел в отставку и, будучи на пенсии, основал организацию «Эмеральд» (Emerald Institute for International Association), которую сам называл «маленькой ФБР». Впоследствии эта «маленькая ФБР» открыла 16 региональных представительств по всему миру и неплохо развернулась за счёт грантов фонда МакАртура, фонда Форда и других американских НКО. Итак, в 1993 году была начата так называемая «борьба против домашнего насилия», а на деле — кампания по распространению феминизма. Тема домашнего насилия была просто прикрытием, поскольку любая кампания проводится под предлогом борьбы за что-то хорошее, и у такого рода инициатив всегда есть какая-то гуманистическая обёртка. В 1993 году в России был создан Центр по предотвращению насилия «Анна» (в настоящее время признан в России иностранным агентом), который возглавила феминистка,

жена сотрудника ФБР Марина Пискалова-Паркер. В 1997 году к кампании против семейного насилия подключились Хиллари Клинтон и Мадлен Олбрайт, учредившие международную организацию Vital Voices Global Partnership, отстаивающую права женщин. Естественно, эта организация получила значительный административный ресурс и большие финансовые вливания. На реализацию программ по защите женщин и детей от семейного насилия в России указанные организации, по некоторым оценкам, потратили до миллиарда долларов США. В случае принятия нынешнего законопроекта заинтересованным лицам из числа его лоббистов в России также были обещаны существенные суммы. Это — «пряник», которым нас пытаются подвигнуть к принятию закона, но существует ещё и «кнут» — международные организации, например, Совет Европы, который настойчиво рекомендует нам принять этот закон.

На сегодняшний день при Совете Федерации и в Госдуме есть рабочая группа, которая разрабатывает законопроект. Президент Путин, когда речь заходит о каких-либо законопроектах, касающихся семьи, всегда призывает спрашивать мнение общественности. Когда Валентина Ивановна Матвиенко говорила о том, что в Совете Федерации была создана рабочая группа по этому вопросу (примерно три месяца назад), мы воспользовались предоставленной возможностью обсуждения и попытались включиться в процесс. Как член Общественной палаты и профильной Комиссии по поддержке семьи, материнства и детства, я подала ходатайство о включении в группу при Совфеде, но получила отказ. На сегодняшний момент я уже два месяца пытаюсь попасть в группу по разработке этого законопроекта, но меня не слышат. При этом в комиссии оказался ряд одиозных деятелей феминистского движения, связанных с зарубежным

финансированием, таких как соучредитель центра «Насилию. нет» Мари Давтян. К вопросу о мотивации лоббистов закона можно сказать, и это ни для кого не секрет, что все феминистские борцы за права женщины либо (чаще всего) имеют связь с ЛГБТ-сообществом, либо стоят на чётких позициях сокращения населения. Собственно говоря, мы понимаем, что цель всех этих законодательных манипуляций в том, чтобы сократить население нашей страны. То есть это очередная антидемографическая мера.

Нам нужно активнее заявлять себя с позиции демографической безопасности, потому что это единственная возможность быть услышанными. Достучаться до правительства можно лишь говоря о том, что новый проект закона о домашнем насилии — это антидемографическая мера. Сейчас все понимают, что у нас демографическая кривая с 2017 года пошла вниз. Представители власти при этом разводят руками: «Мы сейчас столько-то миллиардов рублей потратим на программу, чтобы коэффициент воспроизводства населения увеличить с 1,58 до 1,7». И они признают, что, может быть, даже этого достигнуть не удастся. Но прежде чем обсуждать, сколько денег добавить каждой семье, три копейки или три рубля, чтобы она народила новых граждан, стоит поговорить о том, что нужно убрать. Сначала нужно выполоть сорняки, а потом уже засеять поле. Я всегда говорю о необходимости исключения из социальной политики государства антидемографических мер и призываю всех делать то же самое. Это разрешение аборт, популяризация гедонизма, потребительского образа жизни, разрушение культуры, образования, так называемая ювенальная юстиция. Кто захочет садиться в тюрьму по статье 156 Уголовного кодекса «Ненадлежащее воспитание, сопряжённое с жестоким обращением» на три года только за то, что родил ребёнка? Если сейчас нам в

судах ещё удаётся иногда защитить людей, обвиняемых по этой статье, то после принятия нового закона мы будем бессильны. Сейчас мы ещё можем апеллировать к здравому смыслу судей. А потом это уже будет невозможно. Нам скажут: «посмотрите, и это нарушено, и это, и это».

Лоббисты закона о семейно-бытовом насилии не скрывают, что основой для него послужила так называемая Стамбульская конвенция. Это конвенция против дискриминации, против насилия во всех его проявлениях, она очень большая, но в одном пункте — 4.3 — содержится требование об отсутствии дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Понятно, что всё остальное содержание этой конвенции — просто упаковка, а её суть в одном — в стремлении легализовать права сексуальных меньшинств. Дополнительная цель — получить финансирование. Не все страны Европы подписали Стамбульскую конвенцию. В некоторых странах проходили многотысячные митинги в защиту семейных ценностей. Украина, хотя и подписала конвенцию, исключила из неё пункт о сексуальных меньшинствах. По сути, и в России под видом принятия закона о борьбе с насилием в отношении женщин делается всё для того, чтобы легализовать права сексуальных меньшинств.

Но давайте теперь обратимся к статистике, на которую ссылаются организации, борющиеся с домашним насилием. В 1994 году центр «Анна», особо не трудясь, взял статистику убийств за год в России (на тот момент их было 28 000) и поделил это число пополам, предположив, что мужчины и женщины составляют примерно равные доли населения. Они взяли это число и пошли с ним по жизни. Уже 25 лет они рассказывают, что в российских семьях каждый год убивают 14 000 женщин.

Несмотря на то, что был принят так называемый закон о фейках, и мы можем подать в суд за распространение ложной информации, эти данные транслируются из раза в раз и не только в статьях прозападных пропагандистов. Упоминание о 14 000 убитых женщин встречается в СМИ федерального уровня — на центральных телеканалах, в «Российской газете», а митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) в одном из своих выступлений увеличил эту цифру до 15 000. В связи с этим мы сделали запрос в компетентные органы, чтобы получить реальные статистические данные. Запрос подавали я и сенатор Мизулина. Пришёл официальный ответ от МВД: число женщин, убитых в результате семейно-бытовых причин, — 300. Мы все понимаем, что это очень, очень много. Но цифра 14 000 сильно отличается от 300. Значит, кому-то это нужно, раз эта цифра «гуляет» по всем каналам и даже озвучивается теми медийными ресурсами, которые призваны защищать авторитет России и семейные ценности. Сенатор Мизулина просила предоставить данные за 2015 год, потом я сделала запрос по данным за все последние годы. За последние пять лет число жертв было примерно одинаковым — всегда около трёхсот плюс-минус несколько процентов. Теперь посмотрим статистику ООН. За статистикой ООН следит более двухсот организаций, поэтому здесь не слукавишь. Она говорит о цифрах, близких к правде. Но интересно, что эти цифры показывают, что число случаев насилия в отношении женщин в нашей стране падает, а, например, в США растёт. Однако на эту статистику почему-то никто не смотрит и никто о ней не говорит, говорят лишь, что семейно-бытовое насилие в России представляет серьёзную проблему.

В чём ещё нас упрекают в связи с этой проблемой? В 2016–2017 годах шла острая дискуссия вокруг вопроса о де-

криминализации побоев. Я сама в ней участвовала, задавала вопрос президенту, после чего ситуация нормализовалась. Вот, что там произошло. Статья 116 говорит о побоях, которые не наносят существенного вреда, — это пощёчины, тычки, подзатыльники, шлепки и тому подобное. Их выведение из уголовного права в административное было естественным, потому что рассматривать каждый раз в уголовном ключе какой-нибудь подзатыльник было бы странно. И декриминализация побоев дала свой результат — даже с точки зрения феминистского подхода. Повторю ещё раз, что всегда нужно чётко помнить: статья 116 говорит о побоях, которые не принесли никакого вреда здоровью, статья 115 — о причинении лёгкого вреда здоровью, статья 117 — о систематических истязаниях, 105 — об убийстве. Один из манипулятивных приёмов, которыми пользуются лоббисты закона о насилии, — смешение всех этих статей. Они говорят, что эскалация насилия — это функция непрерывная. То есть если человек один раз ударил жену, то рано или поздно он обязательно убьёт её. Мы с вами понимаем, что это демагогия. И эта демагогия всегда транслируется и в отношении женщин, и в отношении детей. Естественно, к реальности она отношения не имеет. Поэтому случаи, когда хулиганы нанесли кому-то побои, но не причинили при этом вреда здоровью, рассматриваются с опорой на административную статью.

До принятия закона о декриминализации побоев, если происходил соответствующий инцидент, пострадавший подавал заявление, открывали уголовное дело, но если происходило примирение и заявление забиралось назад, то дело закрывалось. В статистике такие случаи не учитывались. Можно сказать, что многие виновные уходили безнаказанными. Так происходило довольно часто, потому что никакой женщине не

хочется иметь мужа-уголовника и не хочется, чтобы детей называли детьми уголовника. А сейчас, когда виновного привлекают по административной статье, а не по уголовной, заявление уже никто не забирает, потому что виновник несёт соразмерное наказание, платит административный штраф. Есть суровость наказания, а есть неотвратимость — это два параметра, которые влияют на эффективность применения того или иного закона. Так вот: суровость исчезла, и правильно, потому что подвергать уголовному преследованию человека, который дал кому-то подзатыльник, несправедливо. А неотвратимость возросла. При этом возрос учёт такого рода преступлений, потому что раньше, когда в 95% случаев (по свидетельству правоохранительных органов) люди забирали заявления, эти преступления вообще никто не учитывал. И если говорят, что в результате декриминализации число преступлений возросло, имейте в виду, что речь на самом деле идёт именно об этом.

Сейчас уже многие не помнят, как Федеральное собрание (то есть Госдума и Совет Федерации) принесло извинения за свой законотворческий брак, когда насилие в семье абсолютно противоправно выделили в отдельную статью. То есть то, что происходило в семье, наказывалось строже, чем то, что происходило вне семьи. Фактически это была акция по криминализации самого института семьи, очередная попытка разрушить семью, представить дело так, что семья — это самое опасное место для человека. Эту ошибку мы исправили. К этому подключилось множество политических, информационных ресурсов. Дело было доведено до президента, и в результате вернули всё-таки ту редакцию, о которой мы просили. Сейчас это статья 6.1.1 КоАП (бывшая статья 116 часть 1 УК РФ), причём применяется она только в том случае, если человек совершил

правонарушение впервые. Если же в течение года он вторично привлекается по этой статье, то наступает уголовная ответственность. Поэтому все рассказы о том, что принятием данной поправки мы «разрешили» насилие в семье,— демагогия, это абсолютно неверно.

Но вернёмся к нынешнему закону о семейном насилии. Текст закона для ознакомления получить было крайне сложно. Его обсуждение происходит в каких-то закрытых кулуарах. Общественная палата к нему изначально не привлекалась. Общественная дискуссия происходит только на телевизионных каналах и шоу — это, наверное, и имеется в виду под общественным обсуждением. Тем не менее нам удалось получить проект этого федерального закона. Он не сильно изменился с тех пор, как Михаил Федотов, глава Совета по правам человека, положил его на стол президенту. Тогда казалось, что он сразу будет принят, но, тем не менее, его отклонили и отправили на доработку. Теперь этот закон обрастает какими-то новыми терминами. Там появляются понятия «жертва», «агрессор», «преследование», «домашнее насилие», «семейный быт», «семья» и так далее. В Семейном кодексе у нас нет определения семьи. Здесь семья — это лица, связанные родством и совместно проживающие, ведущие совместное хозяйство. Как вы понимаете, это может быть кто угодно. Во-первых, это, по сути, легализация так называемых «гражданских браков» и однополых союзов, потому что здесь нигде не сказано, что это союз мужчины и женщины. Потом риторика лobbyистов этого закона постоянно меняется, они подстраиваются под изменения внешних условий. Когда мы их уличили в том, что в России фиксируется не 14 000, а 300 жертв насилия ежегодно, они начали говорить о том, что в России всё насилие «латентно». Если раньше они говорили: «Какая ужасная

статистика, давайте с этим бороться», то теперь говорят: «Нет, конечно, на статистику нельзя опираться, она же латентна».

Необходимости в отдельном законе о семейном насилии в России сейчас нет. В законодательстве у нас уже есть всё: наказание за оскорбление, за клевету, за всевозможные виды физического насилия. Есть более 40 законоположений, которые призваны наказывать за насилие. Есть статьи, которые полностью охватывают проблему психологического давления. У моей коллеги Людмилы Виноградовой был специальный доклад, посвящённый этому вопросу. В нём на конкретных примерах было доказано, что новый закон о насилии будет лишь дублировать уже существующее законодательство. Законопроект о домашнем насилии — это попытка создания конкурентного законодательства, что, естественно, не может не внести смуту в правоприменительную практику. При этом законопроект о семейном насилии предусматривает увеличение числа участковых и тех, кто будет заниматься его применением в правоохранительных органах, в три раза, и на это предполагается выделение отдельного бюджета.

Но если у нас есть законы, а правоохранительные органы не работают должным образом, то это уже вопрос правоприменительной практики, и мы должны совершенствовать органы МВД. Если у нас есть бюджет на то, чтобы предусмотреть увеличение числа ответственных сотрудников в три раза, то почему не увеличить их число в рамках существующего законодательства? Почему это не происходит? Видимо, потому, что перед лоббистами стоят другие задачи. Точно так же, как при манипуляции с цифрами жертв насилия, число которых увеличилось с 300 до 14 000. Теперь, когда мы доказали, что уже существующих законов вполне достаточно для того, чтобы эффективно бороть-

ся со всеми насильственными действиями, что хромает именно правоприменительная практика, лоббисты начали говорить о том, что закон обусловлен не борьбой с домашним насилием, а необходимостью его профилактики. Но профилактика — это очень широкое понятие, и под предлогом профилактики можно залезть вообще в любую семью — особенно если речь идёт о таких широких понятиях, на которых они настаивают, ведь они не хотят ограничиться физическим насилием. Экономическое насилие, психологическое и сексуальное насилие — всё это для них в равной степени важно, и лоббисты это подчёркивают.

Однако профилактика никак не может носить карательный характер. Нам же предлагают систему охранных ордеров. Что это такое? Поясню на примере своего знакомого, который вместе с женой и тремя детьми переехал жить в Великобританию. Это вполне нормальные люди, никакого физического насилия у них в семье никогда не было, но через 16 лет совместной жизни у него с женой стали возникать моменты взаимного непонимания. Может быть, устали друг от друга, а может, от сложностей эмигрантской жизни. Британская система профилактики семейного насилия устроена следующим образом: если у человека плохое настроение или что-то случается в семье, он не жалуется родственникам, а идёт к психологу. Психологи — это своего рода агенты, которые поставляют клиентов в судебную систему или в систему соцзащиты. Так вот, жена этого человека ходила к психологу жаловаться на недопонимание в отношениях с мужем. За три-четыре месяца психолог объяснил этой женщине, что её муж — «абьюзер», он осуществляет над ней экономическое насилие, поскольку она от него материально зависит. Он зарабатывает, она с детьми сидит дома, ведь у них трое детей. Значит, она от него психологически зависит.

На этом основании мужу выписали охранный ордер. В британской системе для этого не нужно никаких доказательств. Просто человек приходит к психологу и говорит: я считаю, что мой муж — абьюзер, и через несколько дней приходит полицейский и выписывает охранный ордер. Теперь этот человек не имеет права приближаться ни к своей жене, ни к её родственникам. К ней — на основании этого конкретного охранного ордера, а к родственникам — поскольку это может быть расценено как преследование. За нарушение охранного ордера предусмотрено наказание — до пяти лет лишения свободы. Так как у этого человека не было другого жилья, где он мог бы жить в то время, пока наложен охранный ордер, он на несколько дней снял номер в гостинице, а потом уехал к родственникам в Россию. Но куда уезжать людям, которые не имеют альтернативного жилья и средств, чтобы его арендовать? Важный момент заключается ещё и в том, что после наложения ордера ваша семейная проблема перестаёт быть вашим частным делом, вы не можете просто помириться со своей женой. Вы не можете ей позвонить и всё уладить, это дело публичного обвинения.

Профилактика семейного насилия — это очень серьёзная система, которая настроена против важнейших общественных основ, первая из которых — семья. Представляется очевидным, как может быть истолковано, допустим, ограничение половой свободы, предусмотренное в проекте федерального закона о домашнем насилии. Когда мы вступаем в брак и не заключаем при этом брачный контракт, мы как-то понимаем, особенно если мы люди православные, что мы сужаем свою сексуальную свободу до одного супруга. Теперь представьте себе, что в законе будет прописан запрет на ограничение чужой половой свободы. Если человек не должен ограничивать чужую свободу в этой

сфере, значит, он не должен препятствовать измене со стороны своего супруга. Всё то же самое распространяется и на детей. В новом законе о семейно-бытовом насилии речь, очевидно, идёт о том, как развести супругов, разрушить их брачный союз.

Я занимаюсь в основном противодействием ювенальной юстиции, в частности возвратом детей из приютов, и знаю, насколько абсурдные требования иногда выдвигаются, какие судебные решения выносятся и какие в них могут быть формулировки и основания, направленные на то, чтобы отнять у детей родителей, а у родителей — детей. Когда соцработники приходят в откровенно маргинальные семьи, у них зачастую нет ни одного альтернативного инструмента, чтобы действительно помочь семье. У них нет юриста, чтобы помочь этой семье получить какую-нибудь льготу, нет альтернативной площади, где семья могла бы временно разместиться, нет рабочих, чтобы сделать ремонт, нет возможности оказать материальную помощь. Есть лишь один инструмент — взять детей у родителей и поместить их в приют.

Пока мы не признаём ювенальную юстицию системной ошибкой государственной политики, мы никогда её не победим. Сторонникам ювенальной юстиции выгодно говорить о том, что системной проблемы нет, а есть лишь отдельные недобросовестные чиновники на местах. Если чиновники не справляются, значит, они недостаточно квалифицированы, и нужно увеличить их штат и переобучить. Но что значит «переобучить»? Их будут обучать по тем же самым западным методичкам, и ужасы ювенальной юстиции лишь усугубятся. По поручению президента мы уже три года занимаемся проработкой семейного законодательства на базе Совета Федерации. Я участвую в работе этой группы, но прекрасно понимаю: как бы мы ни изменили законы,

правоприменительная практика менее чем через полгода приспособится к любому такому изменению. И сегодняшнее законодательство позволяет гуманно, по совести, милосердно решать вопросы. Мы сейчас, по сути, создаём протез для инвалидизированной правоприменительной практики. Вместо того чтобы её лечить, исправлять и заставлять действовать сообразно закону. Чтобы изменить правоприменительную практику, нужно признать системную ошибку, но этого никто делать не хочет. А между тем это наша принципиальная позиция, и мы с Анной Юрьевной Кузнецовой разошлись во мнениях по этому вопросу, потому что она как раз и пытается представить эту проблему таким образом, что во всём виноваты отдельные недобросовестные чиновники на местах. А это губительно для семейной политики. Та же самая проблема возникает и в контексте закона о семейно-бытовом насилии: правоприменительную практику никто менять не хочет, но пытаются множить сущности, субъекты законов, вводить профилактику. Единственная реальная профилактика — это работа над культурой семейных отношений. Это профилактика алкоголизма и наркомании — то есть основных проблем, порождающих семейно-бытовое насилие.

Подводя итог, можно сказать, что у нас в обществе есть проблема насилия, но ведь уже много раз выносился на обсуждение закон о запрете показа сцен насилия на общественном телевидении, но он так и не был принят, хотя мог бы положительно повлиять на статистику правонарушений в семейно-бытовой сфере. Представитель МВД, выступая в Госдуме на слушаниях, представил статистику, согласно которой 90% случаев насилия, о которых говорят лоббисты, совершены в состоянии алкогольного, наркотического опьянения или психической неадекватности. Но разве кто-нибудь собирается бороться с

алкоголизмом? Мы постоянно говорим о необходимости принудительного лечения от алкоголизма и наркомании. Но пока это невозможно. Потому что тут же Совет по правам человека скажет, что у человека есть право на его собственный алкоголизм, наркоманию и психическое расстройство. То есть основную проблему, приводящую к насилию, решать не желают. Но именно этим надо заниматься: борьбой с алкоголизмом, наркоманией, усовершенствованием правоприменительной практики, повышением культуры внутрисемейных отношений, а также созданием системы ограничений, которые позволили бы существенно снизить, а в перспективе и вовсе заблокировать деструктивное влияние СМИ, массовой культуры, театра.

**Игумен Виталий
(Уткин Игорь Николаевич)**

секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, секретарь
Учёного совета Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской православной
духовной семинарии, руководитель Миссионерского отдела
Иваново-Вознесенской епархии

**ЭТНОФУТУРИЗМ, НЕОЯЗЫЧЕСТВО
И РЕГИОНАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ИНСТРУМЕНТЫ**

Объясню, почему я считаю себя вправе говорить на эти темы.

Во-первых, мой отец — тверской карел. Народ моего отца в XVII веке, неся чтимые иконы, после Столбовского мирного договора пришёл на Тверскую землю. К сожалению, сейчас он практически вымер вместе с окружающим русским населением Тверской области. У меня финно-угорские корни, поэтому сегодняшнее моё выступление вовсе не является русским националистическим выпадом.

Во-вторых, моя студенческая юность была самым тесным образом связана с оппозиционным движением. В 1986–1991 годах исторический факультет МГПИ, где я учился, находился в гуще тогдашнего большого «майदानа», приведшего к краху Советского Союза. Мне понятен курс на регионализацию страны — ведь именно к этому мы тогда стремились, участвуя во всевозможных уличных акциях, общественных дискуссиях и самиздатской периодике. Мне довелось даже поучаствовать в попытке московской Конфедерации анархо-синдикалистов

организовать в Литве переговоры между националистическим «Саюдисом» и русским «Единством».

Тем не менее никому из нас не могло даже в сюрреалистическом сне присниться посольство Белоруссии в центре Москвы, неподалеку от нашей Исторической библиотеки. Никто не думал, что регионализация превратится в полный распад.

Взглянем на сибирский флаг — практически официальный, очень распространённый сейчас не только в интернете, но и на всевозможных мероприятиях. На флаге «Сибирской народной республики» белое символизирует снег, зелёное — лес. Флаг используется со времён Колчака и вполне отвечает сибирской идентичности.

Можем ли мы себе сейчас, в условиях устоявшейся российской идентичности, представить некую отдельную Сибирь? Думаете, такое невозможно? Но вот ещё в 1990 году нельзя было себе представить Белоруссию как отдельное государство.

На протяжении двух десятилетий разрабатывается отдельный «сибирский» язык. Снова и снова доказывается, будто бы сибиряки — отдельная нация со своей идентичностью. При резкой смене политической обстановки эта идентичность может стать актуальной. И тогда о Российской Федерации будут вспоминать примерно так же, как мы сейчас вспоминаем об СССР.

То есть «сибирство» — это очень серьёзный сепаратистский вызов.

Но чтобы «сибирство» утвердилось, надо поменять идентичность жителей Сибири, внушить им, что они являются чем-то отдельным, отличным от «москалей» (если угодно — от «москочитов»). Мол, на западе, за Уралом — одна реальность, а в Сибири — нечто совсем другое.

Ещё несколько лет тому назад экспертный центр Всемирного русского народного собора принял меморандум «О единстве русского народа».

К сожалению, этот интереснейший документ практически неизвестен. В нём говорится, что в активной разработке геополитических недоброжелателей России находятся такие проекты, как сибирский сепаратизм, казачий сепаратизм, то есть отделение Дона, Кубани, Прикавказья. Это так, ведь мы часто слышим, как казаки воспроизводят старую эсесовскую выдумку, будто бы они — «потомки готов».

Антироссийскими инструментами являются также поморский сепаратизм — отделение русского Севера, калининградский (как же — Кёнигсберг!), дальневосточный, уральский сепаратизмы.

Проект «Ингерманландии» с «вольным городом» Санкт-Петербург, наверное, тоже вещь достаточно известная.

В меморандуме говорится, что хотя на первый взгляд подобные проекты и могут показаться фантастическими, не стоит забывать, что столь же невероятным раньше выглядело отделение Украины от России.

Одним из ключевых моментов создания новой идентичности является искусственное конструирование региональных языков. «Сибирский язык» в данном случае не одинок. Есть «поморский говор», «казачий язык», «гутор» и так далее.

Сибирский язык появился в начале 2000-х годов, и уже через два года ему был посвящён огромный раздел в Википедии, который занимал 67-е место в мировом рейтинге, опередив по количеству созданных статей белорусский или узбекский разделы. То есть, если мы всерьёз верим, что Википедия формируется вольным образом, то, конечно же, в отношении

«сибирского языка» такого не было. Во всех случаях регионального псевдоэтнического сепаратизма прослеживается активная внешняя поддержка.

У Тверской области, родного для меня по отцовской линии региона, имеется герб, возрождённый в ноябре 1996 года. В 1765 году его для Тверского наместничества утвердила императрица Екатерина II. Основа тверского герба — «престол уготованный», на котором лежит шапка Мономаха. Во времена Екатерины II существовала специфическая имперская мифология. Созданный в её рамках тверской герб был тогда лишь историческим воспоминанием о былом домосковском величии Твери. Были когда-то давно претензии на великое княжение, и вот теперь имперская власть, милостиво поглаживая Тверь по голове, говорит: «Что же, и вы внесли свой вклад в российскую историю».

Стоит напомнить, что первая часть большого титула Петра I звучала так: «Пресветлейший и державнейший великий государь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский и царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных». Тверской герб входил в большой государственный герб Российской империи. Регионализм тогда имел чисто историческое, а скорее — литературно-мифологическое значение.

В советские годы, когда Тверь превратилась в Калинин, об этом регионализме никто не вспоминал вообще, разве только на уроках краеведения.

Но когда тверские депутаты в ноябре 1996 года под всем памятные слова Бориса Ельцина «Берите себе суверенитета

столько, сколько хотите», утверждали старый-новый герб, его смысловая нагрузка стала совершенно другой.

То есть перед нами символ возможного в определённых политических обстоятельствах местного суверенитета от Москвы. Мы, конечно, понимаем, что Тверь не способна сейчас существовать как самостоятельный регион, что она в случае распада страны будет поделена по линии железной дороги между «Ингерманландией» и «Московской республикой».

Тем не менее сам факт того, что каждый из регионов, даже русских по своей этнической составляющей, начинал уже в 1990-е годы формирование собственной идентичности, является для нас очень значимым. В определённый момент старые исторические воспоминания, помноженные на этнофутуризм и неоязычество, могут стать основой для развала России.

Перейдём, собственно, к этнофутуризму. Это сепаратистский вызов, подобный «сибирству».

Этнофутуризм возникает в Эстонии, в 1989 году этот термин ввёл поэт, журналист и телеведущий Карл Мартин Синиярв.

Этнос — народ, футуризм — будущее этого народа. Этнофутуризм — это искусственное конструирование будущего некоего народа, зачастую в рамках постмодерна, опять же искусственно конструируемого. Новая идентичность здесь строится на основе нового языка, неких новых как бы «исторических» воспоминаний.

Первоначально это всё преподносилось под маркой художественно-культурного движения. В 1994 году в Тарту прошла первая конференция, принявшая специальный манифест, и затем этнофутуризм неожиданно перескочил в финно-угорские районы Поволжья, начал развиваться в Удмуртии, откуда распространился в Марий Эл.

В последние годы возник новый вид этого движения — так называемый «мерянский этнофутуризм», характерный уже для Центрального региона России.

Первоначальная цель этнофутуризма — создание новой идентичности именно для финно-угорских народов на территории бывшего СССР. Соответственно, такая идентичность не должна иметь связи с российской историей, с российской государственностью, поэтому самое удобное, что можно положить в её основание, — это язычество.

Первые этнофутуристы не были историками или этнографами, но они прекрасно понимали, что реальное язычество финно-угорских народов возродить невозможно. Несмотря на то, что в начале 2000-х годов марийцы были объявлены «последней языческой нацией Европы», ещё в XIX столетии этнографы отмечали, что язычество приволжских финно-угров активнейшим образом распадалось под воздействием, с одной стороны, ислама, а с другой — старообрядчества.

Фактически язычество постоянно находилось в броуновском движении. То есть финно-угорские народы, несмотря на сохранение, как они говорят, священных рощ, всё же не сохранили соответствующих традиций, аутентичного язычества.

Во всех национальных регионах языческие культы во многом создавались заново уже после распада СССР. Это происходило под влиянием чисто политических процессов национального самоопределения: мордва, черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), пермские финно-угры никогда не имели своей государственности и племенного единства и находились под перекрёстным влиянием христианства и ислама. И у них просто не было целостной языческой идентичности как таковой, несмотря на всё, что утверждалось в последние 20 лет.

Этнофутуристы предложили сконструировать финно-угорскую языческую мифологию заново: через живопись и арт-проекты. Затем на этой конструкции они решили выстроить новую идентичность нового гражданского общества. Члены этого гражданского общества — как бы новые люди, с новым видением мира, истории, языка, культуры, своего места под солнцем.

Но для возникновения новой идентичности необходимо провести деконструкцию старой советской и глубже — российской идентичности. Соответственно постмодернизм, где все ценности уравниваются и всё находится на единой горизонтальной плоскости, предоставляет для этого очень широкие возможности. Поэтому этнофутуризм развивался и развивается на постмодернистских позициях.

Однако при этом он начал получать активнейшую поддержку в научной среде, в первую очередь в среде нашей вузовской науки. Приведу примеры такого сращивания неоязычества и вузовской науки, которые могут показаться частностями, но на самом деле в них, как в капле воды, отражается всё печальное внутреннее состояние российской высшей школы.

В 2003 году в Марийском государственном университете докторскую работу по культурологии защитила Галина Евгеньевна Шкалина, перед этим свою кандидатскую работу по философии она защищала в МГУ.

Сначала госпожа Шкалина получила грант «Открытого общества» небезызвестного Джорджа Сороса, потом грант Гамбургского университета, причём в Гамбургском университете в начале 2000-х годов существовал целый коллективный проект, посвящённый марийцам в России, хотя, казалось бы, где находится Германия и где Марий Эл.

В Марийском университете («опорный вуз Марий Эл») Шкалина заведует кафедрой культуры и искусств, преподаёт историю религии, культурологию, этику и религиоведение. Она пишет, что этнофутуризм — это «мир игры частностями, игры культурными вариантами предшествующих эпох». То есть уже на уровне высшего образования предполагается, что нет никакой истины, нет никакой истории, а есть некая постмодернистская игра, этакий культурно-исторический конструктор.

Шкалина утверждает, что нужно «разрыхлить изнутри традицию» с помощью некоей критической рефлексии и восстать против «притязаний научного метода». Как же успешно защитившаяся доктор культурологии предлагает осуществлять эту «рефлексию»?

В её диссертации утверждается, будто бы у марийцев имеется некая «философия Ю». Когда я открыл автореферат Шкалиной, то увидел, что есть некая «Ю», схожая с понятиями Дао у китайцев и Прана у индусов. Я подумал: «А вдруг марийский народ на самом деле — “последний языческий народ Европы”, раз у него изначально существовала такая древняя философия?» — и решил купить текст диссертации, чтобы посмотреть, на какие источники опирается Шкалина, рассказывая о философии Ю. Купил. Оказалось — ни на какие. На трёх страницах, где постулируется наличие древней философии у марийцев, вообще нет ссылок на научные источники. Человек замечательнейшим образом защитил докторскую, получил соответственно степень, утверждённую ВАК. И вот, собственно, этот случай показывает, что в российском научном сообществе далеко не всё благополучно, а для полного обоснования отрыва тех или иных народов от русской истории и культуры не нужно на самом деле никаких исторических источников, всё может пройти и так.

Стоит отметить, что на самом деле славянские переселенцы играли ключевую роль в становлении Северо-Восточной Руси и этногенезе русского народа. Местное финно-угорское население было либо ассимилировано славянами, либо мигрировало на новые территории.

Нельзя считать строго установленным фактом, что это местное население действительно было финно-угорским. Никаких генетических исследований старых останков, которые находили во время археологических раскопок, у нас практически не проводилось. Археология же не даёт инструментов, подтверждающих ту или иную этничность. Утверждения об этничности, связанной с той или иной археологической культурой, всегда конвенциональны, то есть являются договорённостью археологов между собой.

Неясно, кто такие меря, на которых опираются современные «мерянские этнофутуристы», — то ли реально существовавший огромный союз племён неясной этнической принадлежности, то ли просто летописное и литературное явление. Обычно мерян локализовали в части современной Московской, Тверской, Костромской, Владимирской, Ярославской, Ивановской, Нижегородской областей. То есть в сердце России. Куда они делись, никто не знает. В ходе славянской колонизации они просто исчезли.

Я уже упоминал имперскую идеологию XVIII века. Она активно опиралась на тогдашние литературные представления о язычестве, как классическом, так и славянском. Такие литературные реконструкции воспринимались как обязательная отсылка к старине, необходимая для подкрепления «просвещённой» монархии. А поскольку правительство воспринимало себя в качестве цивилизатора, который меняет всё вокруг (как писал

Пушкин, «правительство всё ещё единственный европеец в России»), то эта парадигма дохристианского периода оказалась очень действенной.

Особенно потрудился здесь сын графа Сергея Уварова, автора концепции «Православие, самодержавие, народность» Алексей Сергеевич Уваров — русский археолог, член-корреспондент и член Императорской академии, один из основателей Московского археологического общества. В 1851–1854 годах он раскопал 7000 курганных могильников в Центральной России силами местных крестьян. Он повытаскивал оттуда всё, что можно, фактически разрушив огромное количество археологических памятников. Уваров на основании своих умозаключений решил, что перед ним не славянское население, а некие финно-угры, эти самые меря.

Он подготовил книгу «Меряне и их быт по курганным раскопкам», которую издали в 1872 году в синодальной типографии Святейшего правительствующего синода. На протяжении 30 лет книга Уварова была практически единственным исследованием по древней истории Центральной России. А ведь это было время национального возрождения, которое происходило через интерес к истории, археологии, этнографии. Создавалось большое количество соответствующих обществ. И на протяжении всего этого времени — четверти века — единственным, на что могла опереться наша общественность, было представление о том, что Центральная Россия была населена не славянами, а некими мерянами.

Александр Андреевич Спицын, известный археолог, который в начале XX века заново пересмотрел коллекцию Уварова, пришёл в ужас от того, в каком хаотическом антинаучном состоянии она находилась. Он сделал вывод, что найденные

предметы принадлежали славянам, а не неким финно-уграм. Однако изменить что-то уже было сложно. Уваровский миф превратился в научную парадигму — набор убеждений, ценностей и техник, разделяемых научным сообществом.

Мерянская парадигма была частью парадигмы неоязыческой, литературного мифа, формировавшегося на протяжении длительного исторического периода.

Уже древнерусские летописцы отстояли от времён Крещения Руси на несколько столетий. Это были монахи, воспитанные на византийских литературных образцах. Сидя в келье (помните: «Ещё одно, последнее сказанье, и летопись окончена моя?»), они пытались применить свои книжные знания к своим же представлениям о далёком прошлом. Нельзя всерьёз утверждать, что их сведения о славянском язычестве достоверны.

Но собственно неоязыческая парадигма была сформулирована польскими авторами в период Ливонской войны XVI века. Тогда Европа впервые столкнулась с новой Россией. Войска Ивана Грозного первоначально успешно продвигались в Прибалтике, беря города и рыцарские замки. Тут-то в противодействие им и начала активно формироваться русофобия. Нужно было обязательно показать, что русские — не христиане, а варвары-язычники или потомки язычников, так и не ставшие христианами. Эти идеи нужны были для объединения европейских сил в борьбе с Россией.

В 1579 году польский комендант Витебска, итальянец по происхождению Александр Гваньини издал книгу «Описание европейской Сарматии», основываясь на тексте Матяя Стрыйковского — участника Ливонской войны. В ней появляется очень интересный для нас маркер — миф о некоем капище Перуна.

Мол, в Новгороде, в местечке Перынь стоял идол Перуна, перед ним горел неугасимый огонь, который поддерживал жрец. И если жрец был нерадив и огонь угасал, то жреца арестовывали, а затем казнили на новом огне перед этим идолом. Новый жрец приносил эту жертву.

В Густынской летописи, которая существует в списках XVII века и основана на текстах польских авторов, эта легенда соотносится уже с Киевом. Вот был Перкунас, то есть Перун, перед ним горел неугасимый огонь, и далее по тексту.

Я опускаю огромную тему трагического польского культурного влияния на русское общество через Киев. Это совершенно недооценённый негативный поворот в русском самознании.

В 1654 году литературную легенду об идоле и огне повторяет Адам Олеарий, в 1674 году архимандрит Киево-Печерской Лавры Иннокентий Гизель издаёт по польским учебникам первый учебник русской истории, который назывался «Синopsis» и выдержал около 30 изданий. И здесь воспроизводилась та же самая легенда об идоле Перуна в Киеве, как и в Густынской летописи.

Проходит ещё сто лет. С 1776 по 1783 год на кафедре в Ростове Великом находится архиепископ Самуил (Миславский), будущий митрополит Киевский. Это пример тогдашнего малороссийского архиерея, который оказался на русской кафедре. Выпускник Киево-Могиланской академии, он свободно изъяснялся на латинском, французском, польском языках, был воспитан на польской традиции, воспринятой через Киево-Могиланскую академию.

Когда он оказался на Ростовской кафедре, ему понадобилось составить описание храмов Ярославля. Ведь новый

архиерей приехал из самого Киева, а значит, должен культурно просветить диких ярославцев, не знающих ни собственной истории, ни даже латыни.

Составляя историческое описание, Самуил доходит до храма святого мученика Власия. По звучанию «Власий» похоже на «Велес», и он решает, что раньше тут стоял идол Велеса. Так появляется текст, при публикации в 70-е годы XIX века названный «Сказание о построении града Ярославля». Из него следует, что, конечно же, перед идолом Велеса горел неугасимый огонь, а если огонь угасал, то старого жреца приносили в жертву на новом огне.

В 70-е годы XX века два наших уважаемых автора, известные исследователи Вячеслав Всеволодович Иванов и Владимир Николаевич Топоров, заявили, что текст «Сказания» якобы равен по значению «Слову о полку Игореве» и восходит к XII веку. Соответственно, сведения о Велесе, которые в нём содержатся, очень и очень значительны и являются, конечно же, достоверными. На самом же деле речь шла именно о польской русофобской литературной традиции, когда выдуманная история кочева на протяжении почти 300 лет из одного текста в другой.

Скажу буквально пару слов о том, что случилось дальше.

В 1648 году страшная Тридцатилетняя война закончилась Вестфальским мирным договором. Он создал современную систему светскости. Католики и протестанты в войне, разорившей Европу и, особенно, германские земли, при создании новой системы взаимоотношений не могли больше опираться на свою конфессиональность, иначе война никогда бы не кончилась. Поэтому они решили подняться над конфессиональностью, действовать так, как будто бы Бога нет, Он выведен за скобки общественных отношений.

В начале XIX века при поиске идейных основ чаемого объединения Германии так же невозможно было опереться на конфессиональность. Священная Римская империя германской нации окончательно рухнула в период наполеоновских войн, и немцам надо было самоопределиться.

Было очевидно, что северные немецкие земли — протестантские, южные земли — католические, поэтому нужно было углубиться в историю и поискать некую другую идентичность. Братья Гримм, их предшественники и их последователи очень многое для этого сделали.

Знаменитый труд братьев Гримм «Немецкие легенды» через сказки как методологию выводит нас как бы вглубь истории, мимо протестантизма и католицизма. Здесь ищут то, что впоследствии станет частью идеологии не только Второго, на даже Третьего рейха, — нехристианскую языческую идентичность.

Наша интеллигенция старалась во всём немцам подражать. И вот Александр Николаевич Афанасьев, диссидент, сотрудник архива министерства иностранных дел, занимавший во многом антигосударственную позицию, идёт по стопам братьев Гримм. Из разных губернских ведомостей и прочих подобных изданий он собирает записи сказок, неизвестно кем и как сделанные, и на основе систематизации этих текстов создаёт целое научное направление — русскую мифологическую школу, которая пыталась через сказки реконструировать систему некоего славянского язычества.

Однако эта школа была вовсе не господствующей в тот период. У неё были авторитетные оппоненты, в их числе — академик Императорской академии наук Александр Николаевич Веселовский, успешно занимавшийся сравнительной мифологией. Он показал, что нельзя говорить ни о какой непрерывной

языческой традиции, которую старался выявить Афанасьев. С точки зрения Веселовского, мифология, кажущаяся языческой, возникает непосредственно внутри христианской общины. То есть ни о каком «двоеверии» речь не идёт. Тайная языческая традиция не передавалась из поколения в поколение, не было тайных капищ, тайных жрецов и т. д.

Веселовский говорит примерно следующее: «Вы знаете, я долго жил в Италии в период её объединения, и на моих глазах возник миф о Гарибальди. Это католический христианский миф. В народе верили, будто бы Гарибальди привита гостия — католическое причастие, поэтому он неуязвим и пули его не берут. А раз пули его не берут, то он великий народный герой, за которым можно идти».

Казалось бы, бред, возникший на пустом месте, но совершенно неожиданно этот миф способствовал тому, что крестьяне пошли-таки за Гарибальди, и это был не главный, конечно, но один из факторов, который способствовал объединению Италии.

По Веселовскому, миф возникает внутри христианской общины, здесь и сейчас. До Юнга Веселовский не дожил, но употреблял словосочетание «коллективная форма психики».

То есть русская мифологическая школа XIX века — это не мейнстрим, однако позднее труды этой школы использовали уже в политических целях.

После Второй мировой войны развивается жанр фэнтези. В Нью-Йорке эмигрант Юрий Петрович Миролюбов издавал журнал «Жар-птица», где публиковал много фэнтезийных текстов. Среди них была так называемая «Велесова книга», которая сейчас является фактически библией для неоязычников. Изначально это был фэнтезийный текст.

Хрущёвское гонение на Церковь активизировало поиск национальной идентичности вне христианства. С опорой на тексты XVI–XVII веков и наследие русской мифологической школы развивается тренд, уже в брежневский период нашедший своё наивысшее воплощение в работах Героя Социалистического Труда, академика АН СССР Бориса Александровича Рыбакова. Он допускал дичайшие фальсификации. Логика его строилась примерно так: «Вот иконка медная, медное литьё, XVII век, Христос изображён, видите, книжка в руках у Христа, что на книжке написано? “Аз есмь свет миру”. О, уважаемые, а мы только что с вами беседовали о том, что свет есть атрибут Дажьбога. Значит, под видом Христа поклонялись Дажьбогу». Это уровень аргументации Рыбакова. Его оппонент Лев Самуилович Клейн (очень рекомендую его книги тем, кто хочет разобраться в этой теме) подробнейшим образом раскрывает многие из этих фальсификаций. Но рыбаковское влияние было колоссальным. Рыбаков фактически создал канон, в рамках которого ныне воспринимается неоязычество. И всё это пришлось очень кстати местным элитам, которые в 1990-е годы в национальных регионах стали конструировать «народную веру».

Мерянский этнофутуризм, о котором мы с вами говорили выше, возникает в 1989 году. Один из его создателей — художник Андрей Малышев. Другой активный идеолог — художник Валентин Константинов, который именуется Бальшта Кыстынчан. Заявляют они, ни много ни мало, что никаких русских в Центральном регионе не существует, что на самом деле они все потомки мерянских племён, а значит, надо соскрести с себя русскую идентичность и обрести в себе мерянина. Если вы введёте в Яндекс в строке поиска фразу «Стань меря», то попадёте на главный ресурс мерянского этнофутуризма, который называется «Мерямаа».

В октябре 2014 года на третьем фестивале языков в Новгородском университете прошла 50-минутная презентация, посвящённая так называемому «мерянскому языку», как будто речь шла о языке действительно существующего народа.

Был создан такой же конструкт, как и «сибирский язык», но территориальные претензии его творцов простираются от Москвы до Нижнего Новгорода. Вся территория Центральной России объявляется чем-то отдельным от России.

В Иваново в Новой галерее в мае 2014 года во время акции «Ночь в музее» совершенно официально открылся мерянский арт-проект «Волга Сакрум» (значит «Святая Волга»). Его автор — тот самый этнофутурист Андрей Малышев, мерянин. То есть вполне возможно, что при определённых политических обстоятельствах в Центральной России от Москвы до Нижнего Новгорода всех могут заставить говорить на некоей мерянской мове — потому, что мы, мол, не славяне, не русские, а являемся последователями вот этих мерянских племён. Заставят её учить в школах как национальный язык. Вам кажется, что это фантастика, но посмотрите на Украину. Созданный в Канаде вариант украинского языка, как известно, ныне вполне себе официальный.

Этнофутуризм напрямую сопряжён с неоязычеством. И когда мы с вами считаем, что неоязычество — это такое непрофессиональное, поверхностное увлечение каких-то наших спортсменов, может быть, части неких силовиков, которые начинают снимать с себя кресты, то мы очень сильно заблуждаемся.

Неоязычество сейчас является частью образовательной парадигмы и напрямую соприкасается как с музейным сообществом, так и с нашим образовательным пространством. Я не буду пока приводить примеры из числа провинциальных вузов, а приведу в качестве примера один из основных педагогических

вузов России после МПГУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге.

В 2011 году Алина Олеговна Зобнина успешно там защитила кандидатскую диссертацию «Язычество славян в культурологическом образовании школьников» и стала кандидатом педагогических наук.

В этой диссертации она призывала переосмыслить отечественное культурное наследие как основу для системы образования. То есть поменять идентичность. Языческая культура славян рассматривается ею как база основания культуры и её архетипа. Соответственно, языческая культура славян оказывается, с точки зрения диссертанта, одним из базовых компонентов историко-культурологического образования школьников. Так как диссертация — по педагогике, она должна была пройти апробацию в школе.

А. О. Зобнина разработала курс «Языческая культура славян», призванный «дать общие знания в истории отечественной культуры для того, чтобы сформировать этнокультурную идентичность школьников». Прямым текстом пишет: поменять эту идентичность.

Она утверждает, что в рамках обыденного, то есть проникнутого ортодоксальной православной доктриной сознания языческая славянская культура воспринимается как отсталая, варварская, тёмная, и это надо изменить, так сказать, углубив историческую память школьников.

В школе № 506 г. Санкт-Петербурга этот курс успешно проходит апробацию, успешно защищается диссертация, спокойно утверждается ВАКом в том же 2011 году.

То есть мы с вами имеем готовую модель школьного курса, которая меняет идентичность школьников на неоязычество.

Искусственное неоязычество активно проникает в музейное сообщество. Например, музей Переславля-Залесского в Ярославской области эксплуатирует так называемый Синий камень.

Когда я произношу «Синий камень», обязательно в аудитории находится человек, который говорит, что его надо называть по-русски «Синь камень», мол, это древняя языческая святыня.

В чём там дело? Лежит большой булыжник, крепкий валун серо-синего цвета, весит 12 тонн, длина — около трёх метров, ширина — два с половиной метра, наземная часть выступает на 70 сантиметров. Некогда был ледник, который откуда-то из Скандинавии притащил к нам этот валун. В 1850 году этот валун поднялся из глубин Плещеева озера, вылез по каким-то своим геологическим валунским причинам на поверхность. В местной газете началась дискуссия, по каким же причинам он вылез на поверхность. Люди были рационалисты, говорили, что это геология в чистом виде, ничего мистического здесь нет, но тут стали вспоминать и вспомнили, что в 1788 году некий огромный валун везли на санях по льду Плещеева озера на другой берег, чтобы заложить там его в основание церкви. А он провалился под лёд и утонул.

А потом вспомнили, как в житии преподобного Иринарха Ростовского говорится о том, что он советует диакону закопать ещё один валун, вокруг которого устраивались местные игрища. Согласно рассказам музейщиков, диакон закопал камень и то ли исцелился от болезни, то ли, наоборот, заболел, и языческие боги наказали его за то, что он поднял руку на этот валун.

Соединив все эти истории вместе, по какой-то причине решили, что Синий камень — и есть тот исторический артефакт, описанный в них.

Сейчас к валуну бесплатно подойти нельзя. В прошлом году, когда мы ездили в Переславль-Залесский с группой и пошли посмотреть на него, нам пришлось заплатить по 50 рублей.

Там идёт активнейшая торговля сувенирами, сам валун является предметом почитания неоязычников, мол, от него энергетика позитивная исходит, он лечит биополе, и чего только этот валун не делает замечательного и каким только символом не является.

Как же поступили местные православные? Они посмеялись над глупыми байками музейщиков? Издали соответствующие листовки, где рассказали, что большой булыжник, вылезший из озера в XIX веке, никак не связан с разными историями о камнях? Нет, вместо этого Никитский монастырь заклеил дорожный указатель на Синий камень, а местный благочинный призвал провести общегородской референдум по вопросу о том, нужна ли городу «языческая святыня». То есть местные православные не только согласились со всей музейной мифологией, но ещё и дали возможность для очередного неоязыческого пиара на этом конфликте.

Получается, что мы сами принимаем правила игры, которая нам навязывается неоязычниками, этнофутуристами, а точнее людьми, которые стремятся к смене нашей национальной идентичности, да ещё и неплохо зарабатывают на этом.

Таким образом, этнофутуризм и неоязычество — это не просто что-то внешнее. Конечно, речь идёт и об активном использовании внешних инструментов (вспомните Шкалину, фонд Сороса, Гамбургский университет). Понятно, что и за мерянским современным этнофутуризмом, если бы мы с вами захотели разобраться, можно было бы увидеть и гранты, и международное сотрудничество, по крайней мере через прибалтийские стра-

ны. Но это очень важно ещё и для местных элит. И, развиваясь, в определённой политической ситуации этнофутуризм может, не дай Бог, стать орудием распада бывшей России по новым идентичностям. Помните словосочетание «бывший СССР»?

Например, создатель частного неоязыческого музея древнерусской семьи в Плесе Павел Николаевич Травкин с 2010 года является одним из неформальных лидеров «мерянского» движения. Он отрицает исторический факт славянской колонизации областей Центральной России. Прочитую Павла Николаевича по памяти: «Теория славянской колонизации — это как минимум застарелая теория. Она удобна и сегодня, как была удобна всякий раз, когда речь заходила о русских интересах на Балканах или когда после Второй мировой войны было объявлено славянское братство социалистического лагеря, и всех этих братьев надо было удерживать какой-то идеологической псевдоисторической уздой». По-моему, сказано совершенно откровенно. Кандидатская диссертация, успешно защищённая Травкиным в Ивановском государственном университете, содержит, например, следующие аргументы. В 1991 году в Волге, якобы, была обнаружена трёхметровая змея с поросычьей мордой. Несомненно, мол, она является реликтовым животным, уцелевшим как минимум с XVI века. В её образе местные жители Плёса поклонялись богу Велесу.

К счастью, у нас в Успенском мужском монастыре города Иваново есть схиеромонах Пахомий (Изюмов), который в 1991 году работал в Приволжском районе специалистом по экологии. Когда в местной газете появилась информация о трёхметровой змее с поросычьей мордой, местное начальство вызвало его и спросило: «А что у тебя там в Плёсе происходит? Немедленно поезжай, потому что страшная змеюка пугает на-

ших туристов». Он отправился к человеку, который рассказывал журналистам о трёхметровой змее, и спрашивает: «Расскажите мне, пожалуйста, самое главное: вы пили, когда отправлялись на рыбалку?» Тот говорит: «Ну, конечно же, выпил. Как же можно без выпивки отправиться на рыбалку? Холодно же на Волге, я же должен был согреться». Вот такая диссертация кандидата исторических наук.

Всё это было бы смешно, если бы не находилось в глобальном тренде возможной смены идентичности уже не для Прибалтики, не для Удмуртии, уже не для Сибирской республики, а для коренных земель Центральной России.

Мне почему-то не хочется жить в Ростовской или Владимирской незалежной «республике», считать себя потомком гордых «мерян» и торжественно праздновать «день независимости» от России с парадом из двух полицейских БТР. Боюсь, что такая «республика» будет обречена на вымирание. Даже если этнофутуристические предки её жителей, согласно вновь выдуманым «легендам», выкопали Волгу.

В. А. Щипков

директор Русской экспертной школы, доцент МГИМО МИД России,
канд. филос. наук

СЕКУЛЯРНЫЙ ВЫЗОВ ЦЕРКВИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ХАРАКТЕР, ПЕРСПЕКТИВЫ

Современная капиталистическая система развивалась экспансивно начиная с XVI века. Её центр сначала был в Португалии, затем, в XVII–XVIII веках, — в Голландии, в XIX веке — в Великобритании, в XX веке — в США. Для культурно-политического обеспечения этой экономической экспансии требовалось мировоззрение, которое приспособило бы под этот проект все сферы жизни человека, включая религию и культуру. Этим мировоззрением стало то, что мы называем светскостью, или секулярностью, что запустило процесс, известный в социологии под термином «секуляризация».

Для человека, жившего до Нового времени и капитализма, до XVI века, сама идея «светскости» была непонятной и бессмысленной. Было разделение на вещи сакральные и вещи мирские, вещи вечные и преходящие. Но идеи «светского общества» не существовало. Как она возникла?

Мы можем сказать, что она уже была во времена Возрождения и Просвещения, стала причиной секуляризации культуры и постепенного вытеснения католической церкви из всех сфер жизни общества. Следствием этого стало появление протестантизма — обновленчества церковной жизни, которое было призвано приспособить Церковь к жизни в новых условиях и изменить её так, чтобы она не препятствовала развитию и экспансии

рыночной экономики, которая бы обособилась от окружающей культуры, отдала на откуп большую часть своей традиции так называемой светской культуре, светскому пространству. То есть создавалась Церковь, которая отделяет себя от экономики, культуры, политики и становится частной автономной сферой в более общем пространстве, называемом теперь светским. Как следствие, протестантизация означала подчинение церкви и её догматики общим для всех правилам и нормам светского пространства, светской власти. Неслучайно тогда же возник лозунг «чья страна, того и вера». То есть чья власть, того и Церковь.

При этом с самого начала секуляризация была не просто отвлечённой идеей, а своеобразным богословским процессом внутри христианства, каким она остаётся и сегодня.

Сложно точно сказать, в какой именно момент возникла эта идея. Но можно зафиксировать, что соответствующий процесс уже развивался в Средневековье, в католическом, схоластическом богословии.

Номинализм — катализатор секуляризации

Средневековое католическое богословие — схоластика — в итоге привело к серьёзным последствиям для всего латинского христианства и мировоззрения западного человека. Наиболее сильно на этот процесс повлияла одна из концепций этого богословия — номинализм. При этом номинализм — катализатор, а не первоисточник секулярной идеи.

Номинализм — это заявление, что все слова и вещи в мире существуют отдельно от их творца, что мир, природа, каждый человек — это механизмы, работающие полностью ав-

тономно, самостоятельно и отдельно от их создателя, часы, которые работают без часовщика.

В этом учении мир не имеет живой связи со своим Творцом (остаётся только воспоминание о Творце). Также становится невозможным познание Бога через его творение (ведь они больше не связаны), и любое познание Бога объявляется, по сути, вообще невозможным.

Прямым следствием этого становится отделение философии от богословия. Философия объявляется формой познания так называемой логической, объективной, научной истины, богословие же отодвигается на второй план, объявляется областью субъективной веры, которая не может ничего доказать и ничего познать.

Вера отделилась от знания. Религия от науки.

Была изобретена наука в её современном понимании. Область религиозного стала отделяться от области научного, субъективное знание — от объективного. Было создано само понятие «объективность», которое заменило слова «истина» и «правда».

Номинализм превратил речь и мышление человека из действия, всегда связанного с нравственным выбором, в математическую формулу, которая состоит из простых однозначных знаков, где x — всегда x , а y — всегда y . Проникнуть в нравственную сущность этих понятий-имён (номенов) нельзя, потому что в них её нет, нет дополнительного, глубокого смысла, который напоминал бы нам об их Создателе. Все ключевые понятия языка: «добро», «красота», «закон», «нравственность», «человек», «жизнь», «любовь» и другие — превратились в механические, плоские, математические «иксы» и «игреки», в примитивное, однозначное средство земной коммуникации между людьми. Ико-

на стала картиной, слова потеряли сакральное значение, жизнь человека потеряла религиозную глубину и ощущение вечности, философия оградила человека забором мирского и обрела над ним колоссальное влияние. Новая наука стала носителем новой «объективной истины», присвоила себе право объявлять и создавать истину. Это открыло путь к свободному конструированию общества и человека.

Было создано так называемое «социальное пространство» — некая номинальная область, обладающая абстрактными объективными законами, с помощью которых можно якобы описать и регламентировать всю жизнь человека и общества. Главное следствие — культура и религия стали подсистемами социального. Теперь не культура и религиозные нормы определяют устройство общества, а устройство общества стало определять, как должны развиваться культура и религия. Под обществом здесь имеется в виду абстрактная социальность, светскость, якобы универсальная, объективная и существующая вне человека.

Эта область социального распространялась на все сферы жизни, постепенно вытесняя из них религию. Религия выносилась, во-первых, во внешнюю сферу социального, на периферию, в тёмную невидимую область, которая находится где-то над обществом и недоступна для познания. Во-вторых, она вытеснялась во внутреннюю, так называемую интимную сферу человека: религия объявлялась частным делом и не должна была демонстрироваться в публичной сфере. То есть где-то высоко есть Творец-создатель, но он уже не влияет на нашу ежедневную жизнь, и есть внутренние психологические размышления и переживания каждого человека на религиозные темы, которые являются его субъективными переживаниями

и так же, как и Создатель, якобы не влияют на объективные социальные законы.

В первом случае религия трактовалась агностически, то есть как общая предпосылка всего нашего мира, но прямо не влияющая на него (по сути, то же самое, что атеизм). Во втором случае она трактовалась психологически, как некая исключительно субъективная, внутренняя и индивидуальная вера человека — так называемая «вера в душе» или «Бог в душе», то есть что-то личное и персональное, некий тёмный и неструктурированный религиозный психологизм, залегающий в труднодоступных уголках души, который не имеет отношения к объективному миру и поэтому должен стыдливо скрываться, как обычно скрываются слабости и недостатки.

Создание социальной сферы поместило религиозность между этими двумя полюсами — агностицизмом и индивидуализированной верой, сделав их единственной нормой для современного западного человека и, по сути, вытеснив религию и Бога из жизни. Область социального стала полным синонимом области секулярного, светского, где религия отделена от науки, вера от разума, а религиозная этика — от светской этики.

Ещё одно важное следствие номинализма — изменился взгляд на исторический процесс, возник новый тип исторического мышления.

Секулярная культура называет западного человека не только секулярным, или светским, но чаще всего — современным. Идея «современности» (или «модерна») была изобретена ещё раньше социального пространства, это произошло уже в эпоху Возрождения. Она предполагает, что история человечества делится на три принципиальных периода: на древнее время, на века промежуточные, которые назвали «средними», то

есть неполноценными, и на «современность», которая начинается с XIV–XVI веков и полностью совпадает со временем рождения новой секулярной европейской философии и культуры, с так называемой эпохой Нового времени. При этом «современное» стало синонимом хорошего, а «прошлое» и «древнее» — синонимом плохого. Таким образом, сама хронология стала идеологией, в которой новое всегда лучше старого, а исторический процесс — это бесконечная череда революций, задача которых прерывать традицию, отсекай прошлое от современного, освобождать современность для дальнейшего развития к лучшему, ради прогресса.

Идеология современности была изобретена для того, чтобы христианская традиция, которая всегда связана с религией, не мешала управлять обществом. Прерывание традиции стало считаться благом. А смысл истории стал задаваться не ценностями, которые всегда связаны с традицией, то есть с чем-то надысторическим и религиозным, а искусственными утопиями.

Западная теология передала свои функции философии. Католическая и затем протестантская церковь уступили свои обязанности новой светской власти. Таинства и богообщение были заменены искусственной радостью, эмоциями, главным образом через высокое искусство — светскую живопись, музыку, театр. Так возникла концепция чистого искусства, «искусства ради искусства». Считается, что это механизм, который может передать человеку любые глубокие эмоции и переживания, независимо от воли и духовной работы самого человека. Поэтому до сих пор талантливые художники Возрождения воспринимаются как обожествлённые сверхлюди, способные создавать миры (богов) и религии.

Результатом этой новой реальности стало то, что функции христианского духовенства и пастырей взяли на себя новые светские люди — философы, художники, политики; они стали новыми пастырями народа и начали вместо духовенства проповедовать добро и зло, истину и ложь, но уже без опоры на христианские заповеди и церковную традицию. Эту группу людей позже стали называть интеллигенцией.

В результате этих процессов стало возможным свободно переосмысливать человека, добро и зло, а также создавать образы идеального мира — рая на земле. Их стали называть утопиями. Возникло утопическое мышление, которое завораживало людей идеей достичь рая не внутренним преображением, а изменением внешнего порядка вещей — в науке, культуре, социальном устройстве. Когда одна утопия приводила к революции в нравах или политике, она отодвигалась как выполнившая миссию, и появлялась другая — более амбициозная и смелая. Смысл истории оказался заключённым в посюсторонние рамки земной жизни, стал атеистическим и материалистическим — движение от одной утопии к другой, от одной новинки к другой. И в самом этом движении светскость видит высший смысл человечества.

Сегодня этот механизм современности, или прогресса, поставлен на производственные рельсы, является обкатанной технологией. С одной стороны, он используется экономикой, которая создаёт «инновации», то есть веру в то, что новое — хорошо, только потому, что это новое. С другой стороны, он применяется для смены политических режимов путём цветных революций, строится на убеждении в том, что революция сама по себе всегда является благом, потому что это слом старого во имя нового.

Идеология современности (прогресса) и утопическое мышление привели к тому, что любой слом традиции объявлялся нравственным делом. Отсюда позже возникают попытки религиозно оправдать революции. Например, эти идеи звучали перед 1917 годом в русской религиозной философии. Эти же идеи стали тиражироваться в православной среде во время протестов на Болотной (2011) и киевского Майдана (2014) — появился даже термин «богословие майдана».

Номиналистский разрыв связи между Творцом и творением не только сделал Творца непознаваемым для творения, но и поставил их на один уровень, объявил, что божественная сила и силы природы — качественно суть одно и то же, только в разных количествах и пропорциях, и высшего мира и высших сил нет. Это отменило принцип иерархии. Разные идеи перестали определяться как более высокие и более низкие, более важные и второстепенные. Мир превратился в некое плоское пространство, состоящее из отдельных номинальных идей, вещей, форм, причин, которые сочетаются друг с другом искусственно или случайно, но на самом деле не связаны. Всё в мире стало дискретным, то есть прерывистым и раздробленным: пространство, время, мышление, сама жизнь. Эта борьба с иерархией в течение многих столетий нашла отражение в Реформации, в европейских революциях, в постепенной эмансипации человека и его прирастании к земному миру. Эта борьба с иерархией и ценностями вылилась в XIX веке в нигилистическую философию Ницше, а в XX веке в постмодернизм и отрицание возможности существования истины и правды.

Номиналистская трактовка богословия в конце концов привела к развитию множества секулярных идей. Это и теория светского государства, и антропология гуманизма (где человек

объявляется высшей ценностью, выше Бога), это материализм и агностицизм (которые описывают мир, не связанный с Божественной волей), теория автономной нравственности (автономное и совершенное устройство внутри человека, не связанное с Богом; окончательно сформулировано Кантом), теория современных международных отношений, которые с XVI века строятся так, «как если бы бога не существовало». Это, наконец, постмодернизм, который провозглашает относительность добра и зла и невозможность существования истины.

Светскость в западном христианстве и православии

Предпосылки возникновения секуляризации лежат в области человеческого духа и возникают в момент грехопадения. Однако секуляризация как распространение набора идей, конкретной философии и идеологии (которую иногда называют секуляризмом), влияющая на сегодняшний мир, окончательно возникает в позднем Средневековье и оформляется у номиналистов. Современный английский теолог Джон Милбанк прямо называет секулярную идею средневековой ересью внутри католичества, которая исказила христианское учение, открыв дорогу современному западному глобальному мирупорядку с его узакониванием греха, циничным рынком и бездушной наукой.

Таким образом, светскость — это не нейтральное состояние общества, где нет никакой религии и обязательной иерархии ценностей. На деле одна иерархия была заменена на другую, одна вера стала вытесняться другой. Секулярная идея, как и различные ереси, есть своеобразная форма религиозности,

которая утверждалась через отрицание христианства и другое понимание Бога, человека, общества, истории.

При этом светскость исторически боролась не против любой религии вообще, а именно против западного христианства, и только затем против других религий.

Светскость — это богословское отклонение в западном христианстве. Поэтому не существует своей «светскости» в исламских, буддистских и даже православных обществах. Светскость там — это та же западнохристианская светскость, навязываемая этим обществам извне.

Поэтому секуляризм, или идеология светскости, как элемент секуляризации на Западе и в России (и других некаатолических и непротестантских странах) решает свои задачи принципиально разными путями.

На Западе, в латинском мире, секуляризм сначала действует догматически, богословски, как ересь, а затем вызывает мощные культурные и политические последствия. У западных христиан этот процесс начинается с догматики и заканчивается политикой.

В православном мире всё наоборот: секуляризм как элемент чужого богословия, как еретическое направление внутри другой религии не может прямо влиять на православную догматику, которая обладает иным внутренним строением. Вместо этого секуляризм много столетий действует в православном обществе политически; сначала он влияет на внешние формы жизни нашего общества и лишь потом стремится изменить православные каноны и догматику. Сначала Пётр I верит в эффективность европейского государственного устройства, затем отменяет патриаршество. Сначала происходит политический переворот 1917 года, затем советская власть инициирует обновленчество.

Сегодня на константинопольский патриархат и ситуацию на Украине секулярные силы воздействуют тоже политически, вследствие чего страдает догматика, канонический строй Церкви, уходят в раскол те, кто ставит политическое выше канонического.

Для православного мира, для исторически православных стран идеология светскости, секуляризм — это в первую очередь политическая проблема и только во вторую — богословская. Для Запада секуляризм — это в первую очередь богословская проблема, а затем политическая.

Сегодня на Западе секулярное мировоззрение переосмысливают и либералы-глобалисты, и христианские консерваторы-традиционалисты. Либералы понимают, что нельзя больше делать вид, что религия вот-вот престанет существовать, что весь мир станет нерелигиозным, как Западная Европа, либерализм победит, а «история закончится». Ещё в 1970-е годы западная гуманитарная наука объявляла, что будет непременно так, что якобы действует общий исторический закон, согласно которому модернизация общества ведёт к его секуляризации. Но в конце XX века те же самые учёные сказали, что ошиблись. Усиление религиозного фактора во всём современном никак не вписывалось в эту картину. При этом именно на этих идеях несколько столетий выстраивалась современная глобальная экономика, система мирового распределения благ, где протестантско-секулярный Запад занимает центральное место. Сохранение светской идеологии для него является вопросом выживания. Поэтому перед западной секулярной интеллектуальной элитой возникла задача сделать так, чтобы секулярная философия не исчезла в XXI веке под натиском традиционных религий и других форм религиозности. Сегодня они пытаются упаковать и спрятать эту идеологию в новую обёртку

и создают разные экспериментальные концепции: плюрализм светскости и религии, «понимающая» светскость, постсекулярность и так далее.

Есть на Западе и другая группа философов. Это консервативные христиане, которые осознают, насколько безрадостным будет будущее западной цивилизации, если не вырвать её из рамок секуляризма и не вернуть к христианским истокам. Среди них, например, упомянутый философ Милбанк, который настаивает на том, что светскость — это квазирелигиозное учение, средневековая францисканская «ересь», и обоснованно указывает на то, что светскость находится не над религией, а сама является подобием религии. Он говорит о необходимости вернуть западному христианству главенствующую роль в мировоззрении Запада, как это было в Средние века.

При этом важно понимать, что преодоление секулярности на Западе и в России — это разные пути. Запад живёт в культуре, которая сформирована секулярной догматикой, секуляризм является основой этого здания, его нельзя просто взять и механически вынуть без потерь для Запада. Поэтому современные консервативные западные богословы пытаются доказать, что секуляризм не является родовым признаком западного христианства, что это ересь, отклонение в католичестве. Они хотят разобраться в себе, своём богословии и своей религиозной традиции, чтобы вернуть в свою западную культуру христианские основы. Для них это считается смелостью на грани радикальности, но это путь, который они проходят.

Для православия светскость тоже является отклонением, но отклонением не в православии, а в том же западном христианстве. Секулярные процессы в России, которые особенно активно начались при Петре I, — не производное от нашего

богословия, а импортируемая часть западной культуры и теологии. Правда, это не снимает с православия ответственности за выработку ответов импортируемому политическими методами богословию.

По этой причине Русская церковь не сможет легко договориться с западными консервативными христианскими мыслителями и деятелями (как и Россия в целом — с западными консерваторами, симпатизирующими России). Некоторые западные политики и интеллектуалы могут с симпатией относиться к православию, переходить в православие и делать это совершенно искренне. Но они решают свою локальную задачу — пытаются сохранить христианство как ядро Запада, без которого разрушится существующая экономическая и политическая архитектура западнцентричного глобального мира, а Запад, соответственно, перестанет быть его центром. Безусловно, христианские силы на Западе начинают критиковать секуляризм за его потворство нравственному упадку, за его беспомощность перед мусульманским религиозным давлением, но также и за то, что секуляризм перестаёт обеспечивать Западу его центральное место в мире. О России и православии в данном случае они не заботятся.

Постсекулярное состояние культуры

События XX века подвели промежуточные итоги проекту Просвещения и позволили со стороны и с меньшими иллюзиями посмотреть на идею светскости. Сами проводники светской, секулярной идеологии, обслуживающей глобальную рыночную экономику, признают, что не могут дальше поддерживать иллю-

зию существования абстрактных, светских общечеловеческих ценностей, общечеловеческого здравого смысла. Прежние просвещенческие аргументы сегодня потеряли свою убедительность и могут быть навязаны только физической силой.

Номиналистский поворот в западнохристианской мысли привёл к появлению в Новое время идеи и области «социального» — универсального и якобы ценностно нейтрального пространства, по отношению к которому все остальные области: культура, религия, экономика, политика — были объявлены подсистемами. Абстрактное «социальное» и было синонимом светскости.

Современная ситуация позволяет говорить о том, что секуляризм, или идеология светскости, — это не универсальное явление, а локальное северо-европейское религиозное мировоззрение, которое принимает форму разных философских идей, вроде существующих непреложных социальных законов, первичных по отношению к культурам и религиям. Светскость — такая же форма ереси, как арианство, несторианство или иконоборчество. Фактически современная философия всё чаще вынуждена признавать, что нет разделения на религиозное и нерелигиозное. Нет общего и нейтрального светского пространства, которое само не было бы религией, но в которую входят все остальные религии. Светскость — тоже вид религиозного состояния. Из этого следует прямой вывод, что не существует объективных, универсальных социальных законов: социальное, то есть то, как живёт общество, всегда вытекает из культурных и религиозных предпосылок. Социальное — подсистема культурного, а культурное — подсистема религиозного. То есть именно социальные законы определяются возвышающимися над ними ценностями, а не наоборот. Теология секуляризма исторически

создавала секулярную, светскую социальность, определяя социальные модели поведения.

Признание же светскости формой религии ведёт к тому, что любой смысл и любая ценность религиозно опосредована и в конечном счёте зависит от того, какому богу (Богу) служит человек. Спор науки и религии, священника и учёного, верующего и неверующего с этого момента продолжается уже в другой форме — как спор разных религий. А противостояние между религией и светскостью, верой и разумом — это противостояние между разными религиями. Новые идеологии и мировоззрения, например трансгуманизм, также будут всё чаще показывать свой религиозный характер. Надежда на гармонию между христианством и секулярным миром, характерная для протестантской теологии и следующего в его фарватере либерал-православия, обнаруживает свою иллюзорность: попытки увидеть в секулярном мире гуманизм, равный христианской этике, не делает «гуманистические» силы христианскими, не препятствует использованию ими гонений на Церковь. Сегодня христиане перестают питать иллюзии о том, что возможна гармония светского и религиозного.

Возвращение светскости в теологические рамки означает постсекулярное состояние культуры и дискурса.

Значение для Церкви

На наших глазах происходит отрыв ядра мировой экономической системы от западнохристианской цивилизации. Если экономическое ядро в будущем переместится из США в Азию, о чём часто говорят экономисты, тогда идею светскости могут

попытаться вмонтировать в индуизм и родственный ему буддизм. Этот процесс идёт с конца 1960-х годов. Многие западные секулярные люди (атеисты, агностики) предпочитают переходить в буддизм как в религию, поклоняющуюся абстракции. Социолог Питер Бергер рассказывал, что, когда он проходил лечение в израильской клинике и в своей анкете не указал приверженность к какой-либо религии, это автоматически было расценено как атеизм, и к пациенту прикрепили буддистское духовное лицо.

Для торможения этого процесса секулярные силы предпринимают попытки спрятать обнаруживающий свои религиозные основания секуляризм в другую форму — плюрализм, постсекулярность, взаимообучение светскости и религиозности. Задача этого — оставить западное христианство встроенным в секулярную систему координат, сохранив социально-экономическую конструкцию современного мира. Это осуществляется в том числе через легализацию во всей современной культуре неоязычества и другой нетрадиционной религиозности. Одновременно продолжается либерализация протестантского и католического богословия, чтобы оно легализовало и одобрило такие явления, как однополые браки, эвтаназию, аборты и прочие черты трансгуманизма. Важно, что не объявляется полный разрыв с христианством, но продвигается его тотальная либерализация. Мы живём в эпоху, когда светские принципы обнаруживают свои религиозные основания, но стремятся сохранить свои социальные и культурные функции, сохранить своё главенствующее и привилегированное положение по формированию социальных моделей поведения в обществе. То есть определять, как человек себя ведёт, ради чего он живёт, чего он хочет и чего боится.

Поэтому актуальные угрозы Церкви сводятся к главному и общему принципу секуляризма — не дать Церкви выйти за границы светской, секулярной идеологии. На Западе этот процесс начинается на уровне богословия и затем принимает формы юридических законов. В других странах дело обстоит иначе. Их вовлекают в экономический и правовой ареал западных стран, навязывают международные нормативы, законы, что затем приводит к реальному изменению ценностей. В России это выражается в постоянном напряжении между православными нормами жизни и теми западнохристианскими секулярными идеями, которые обслуживают глобальный рынок.

Принятие Церковью секулярных идей означает возможность для секулярной культуры использовать Церковь и христианство (или те пустые, секуляризованные формы, которые от них остаются) как политический инструмент — принуждать Церковь обслуживать «партийные» либеральные интересы. На практике это означает встраивание церковного ресурса в систему управления мировой экономической периферией, осуществляемого экономическим центром («богословие майдана», поддержка либеральных реформ, мобилизация на уличные протесты и проч.). Одновременно это разрушает Церковь, нарушает её каноничность и вселенский (кафолический) характер.

Также это создаёт для секулярной культуры механизм, позволяющий самостоятельно определять добро и зло, с опорой на юридические процедуры, а не на нравственность и церковную традицию, создавать новые, немислимые ранее нормы и образцы поведения, заниматься социальным конструированием и оправдывать это развитие.

Противостояние христианства и светскости — это процесс, который происходит в рамках христианского богословия.

Научное издание

Тетради
Русской экспертной школы
№ 5/2020

Главный редактор
В. А. Щипков

Научный редактор
Е. Е. Мамаев

Корректор
А. А. Климова

Подготовка к выпуску
Д. О. Фотова

Вёрстка
И. А. Плигин

Издатель

Русская экспертная школа
russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Подписано в печать 01.07.2020
Формат 60x84/16. Объем 6,05 усл. печ. л.
Тираж 300 экз.

Отпечатано в издательстве «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru